

ЭНИЯ АГНИС

ГОСТИНИЦА МЕЖДУ МИРАМИ

РОМАН

HOTEL

Заселяют
тех, кому ещё
рано уходить.

ПЕРВАЯ КНИГА СЕРИИ

Эния Агнис

Гостиница между мирами

<https://litres.ru/74525083>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вечером годовщины Вера Лаврова узнаёт об измене мужа и продаже гостиницы, которой отдала одиннадцать лет. Под дождём она замечает незнакомую вывеску: «Свободные комнаты есть всегда».

Утром за окном — две луны. Коридоры меняются, персонал скрывает прошлое, а книга регистрации сама вписывает имена гостей. С бытовыми проблемами Вера справится: наладит отопление, разберёт счета, вернёт дому постояльцев. Есть только одна неприятность — она не может выйти за калитку.

В городе шепчутся о прежней хозяйке, которая будто бы не отпускала умерших. Вместе с магическим инспектором Рейнаром Вера начинает разбирать старые свидетельства. У каждой комнаты своя память. У каждого обитателя — своя версия случившегося. И чем больше Вера узнаёт, тем труднее понять, кому здесь можно верить.

Она уверена: стоит разгадать тайну гостиницы — и дорога домой откроется. Но кто обещал ей, что всё устроено именно так?

Содержание

Введение. Перед тем, как войти	7
Глава 1	8
Глава 2	28
Глава 3	47
Глава 4	62
Глава 5	76
Глава 6	92
Глава 7	106
Глава 8	115
Глава 9	136
Глава 10	158
Конец ознакомительного фрагмента.	165

Эния Агнис

Гостиница между мирами

ГОСТИНИЦА

МЕЖДУ МИРАМИ

Роман

Книга первая

Свободные комнаты есть всегда.

Аннотация

Вечером годовщины Вера Лаврова узнаёт об измене мужа и продаже гостиницы, которой отдала одиннадцать лет. Под дождём она замечает незнакомую вывеску: «Свободные комнаты есть всегда».

Утром за окном — две луны. Коридоры меняются, персонал скрывает прошлое, а книга регистрации сама вписывает имена гостей. С бытовыми проблемами Вера справится: наладит отопление, разберёт счета, вернёт дому постояльцев. Есть только одна неприятность — она не может выйти за калитку.

В городе шепчутся о прежней хозяйке, которая будто бы не отпускала умерших. Вместе с магическим инспектором Рейнаром Вера начинает разбирать старые свидетельства. У

каждой комнаты своя память. У каждого обитателя — своя версия случившегося. И чем больше Вера узнаёт, тем труднее понять, кому здесь можно верить.

Она уверена: стоит разгадать тайну гостиницы — и дорога домой откроется. Но кто обещал ей, что всё устроено именно так?

Содержание

Введение. Перед тем, как войти

Глава 1. Худшая годовщина в моей жизни

Глава 2. Дом, который не любит порядок

Глава 3. Дом, который переставляет стены

Глава 4. Первые гости

Глава 5. Болезнь, которая закончилась иначе

Глава 6. Люди, которых нет в книгах

Глава 7. Проверка на живых

Глава 8. Свеча, которая не умеет лгать

Глава 9. После синего огня

Глава 10. Имена без отъезда

Глава 11. Ведьма Морвейн

Глава 12. Память комнаты

Глава 13. Имена из прошлого

Глава 14. Кот и Кошечка

Глава 15. Архив

Глава 16. Те, кто уже умер

Глава 17. Крик из огня

Глава 18. Ты здесь?

Глава 19. Ночной обход

Глава 20. Комната, в которой не бывает тепло

Глава 21. Человек в трубах

Содержание

Глава 22. Комната №5

Глава 23. Тот, кто остался у двери

Глава 24. Те, кого отпускают

Глава 25. Пока

Глава 26. Утро, которое не наступило

Глава 27. Последняя запись

Глава 28. Домой — не значит уйти

Глава 29. То, что приносят с собой

Глава 30. Путник между мирами

Глава 31. Книга для Рейнара

Глава 32. Тот, кто наконец дошёл

Глава 33. Не Хозяйка

Глава 34. То, что осталось за порогом

Глава 35. Новая Хозяйка

Глава 36. Без лица

Глава 37. Каждый говорит за себя

Глава 38. Право остаться

Глава 39. После миссии

Глава 40. Гостиница между мирами

Введение. Перед тем, как войти

В гостиницу приезжают с чемоданами, усталостью, чужими адресами на клочках бумаги. Здесь спрашивают о горячей воде, просят дополнительную подушку и оставляют у двери мокрую обувь. У каждого есть место, откуда он приехал, и обычно — место, куда собирается дальше.

Вера Лаврова привыкла замечать то, что другим кажется мелочью: сбившийся коврик, дрожащие руки гостя, нетронутый завтрак. Она знает, как сделать незнакомую комнату пригодной для жизни. Только сегодня ей самой негде остановиться — хотя ещё утром у неё были дом, работа и планы на вечер.

Впереди старая гостиница, запах яблок и несколько свободных комнат. За стойкой лежит книга регистрации. В ней достаточно места для нового имени.

Эта история начинается с дождя и красной помады. Дальше будут чай на кухне, ночные разговоры, две упрямые кошки и двери, за которыми не всегда оказывается то, чего ждёшь. Не обо всём здесь стоит судить с первого взгляда. Но прежде чем разбираться в чужих тайнах, нужно хотя бы войти и согреться.

Глава 1

Худшая годовщина в моей жизни

В половине седьмого я стояла перед зеркалом в служебном туалете нашего отеля и пыталась ровно накрасить губы красной помадой, хотя пальцы почему-то слегка дрожали.

Помаду я купила утром. Совершенно бессмысленная покупка, особенно сейчас, когда я давно научилась автоматически переводить стоимость любой вещи в более понятные единицы: два комплекта хорошего постельного белья, половина нового смесителя в двести восьмой или три коробки маленьких шампуней, которые гости обязательно уносят с собой, даже если дома пользуются банкой за четыре тысячи. Когда-то маленькие дорогие радости не требовали внутреннего совещания с бухгалтерией. Тот мир остался где-то далеко, вместе с временами, когда мы с Романом ещё были «мы», а не два человека, которые завтракают на одной кухне, не поднимая глаз от телефонов.

Но сегодня была годовщина. Двенадцать лет.

Мне хотелось хотя бы один вечер не думать о загрузке на следующий месяц и не проверять, прислал ли поставщик полотенце исправленный счёт. Хотелось надеть платье, накрасить губы той самой помадой, которая всегда нравилась Роману, сесть напротив него в ресторане и на пару часов пове-

ритель, что последние месяцы мне просто показались. Что он не стал чужим. Что я не превратилась для него в удобную часть интерьера — вроде кофемашины, которая всегда работает, и поэтому никому не приходит в голову спросить, как ей это удаётся.

Я провела помадой по нижней губе, стёрла уголок салфеткой и начала заново. Помада пахла вишней, слишком сладко и искусственно, но сейчас этот запах почему-то успокаивал. Наверное, потому что это была одна из немногих вещей в моей жизни, которые ещё подчинялись простому правилу: провела криво — стёрла, сделала ещё раз. С людьми так не работало.

Я опёрлась ладонями о край раковины и постояла, закрыв глаза. Голова с утра была тяжёлой, под затылком неприятно тянуло, а последние дни я ловила себя на том, что делаю слишком глубокий вдох, будто обычного не хватает. Ничего нового: четыре часа сна, кофе вместо завтрака, рабочий чат, который я открывала даже в выходные. В тридцать шесть организм, видимо, начал подавать официальные жалобы. Я обещала ему отпуск. Кажется, третий год подряд.

В дверь постучали.

— Вера Викторовна? В двести восьмом опять батарея течёт.

Конечно. До прихода Романа оставалось полчаса.

— Сильно?

— Полотенце уже мокрое.

— Переселите их в триста второй, там сегодня никто не заезжает. И комплимент от гостиницы.

— Вино?

— У них ребёнок. Десертную тарелку. Только уточните про аллергию, прежде чем отправлять.

Шаги администратора удалились, а я посмотрела на себя в зеркало и вдруг рассмеялась. Меньше получаса до годовщины, помада за неприличные деньги, подозрение, что муж мне изменяет, и протекающая батарея в двести восьмом. Вот она, взрослая жизнь, о которой почему-то никто нормально не предупреждает в школе.

* * *

В семь вечера гостиница жила своей обычной жизнью. У стойки два командировочных выясняли, почему номер с двумя кроватями называется «твин», если они находятся не в Англии. Ребёнок лет четырёх пытался залезть в декоративный фонтан, пока мать разговаривала по телефону. Курьер привёз коробки с новой посудой и поставил их именно туда, где они мешали проходу. Наверху гудел пылесос, из бара пахло кофе, а коврик у входа снова сбилсся.

Я поправила его ногой, потом подушку на диване. На стойке закончились визитки, лампа возле лифта опять мигала, на листьях большого фикуса лежала пыль. Я запоминала всё это, не задумываясь, как другие люди запоминают дорогу домой. Гостиница жила у меня в голове даже тогда, когда я уходила: где-то между мыслями о продуктах на ужин и

записью к стоматологу постоянно крутились номера комнат, счета, имена сотрудников и мелкие неисправности.

Одиннадцать лет. Я знала, где под обоями прячется трещина, которая снова появляется каждую весну. Знала, какой номер нельзя давать молодожёнам, потому что соседняя вентиляция иногда начинает гудеть посреди ночи. Знала, что Марину с ресепшена нельзя ставить на третью смену подряд, даже если она сама просит, а технику Игорю нельзя говорить «когда будет время», потому что в его системе координат это означает «никогда». И знала гостей — не всех по именам, но знала, кому нужна дополнительная подушка, кто боится лифта и кто приехал один, но по привычке заказывает завтрак на двоих.

Я любила гостиницы именно за это. В гостинице человек всегда немного не дома, и поэтому особенно хорошо видно, что ему нужно, чтобы хотя бы на одну ночь перестать чувствовать себя чужим.

Наверное, поэтому мысль о продаже причиняла почти физическую боль.

Юридически отель принадлежал Роману. Так было удобно в самом начале, когда банк не хотел давать кредит двадцатипятилетней девчонке без имущества и кредитной истории. Тогда это казалось формальностью. Мы же семья, какая разница, на кого оформлено. Оказалось, что иногда разница занимает одиннадцать лет.

— Вер?

Роман стоял у входа, высокий, красивый, в сером пальто, которое мы покупали вместе прошлой зимой. Когда-то я узнавала его шаги среди десятка других. Сейчас первым делом заметила, что он не вытер ноги, и сразу разозлилась на себя. Муж пришёл на годовщину, а ты смотришь на обувь.

Он улыбнулся, и я почти улыбнулась в ответ — скорее по памяти.

— Ты рано.

— Освободился.

Он поцеловал меня в щёку. Не в губы. Я почувствовала его парфюм, холод улицы и ещё один запах, сладковатый, цветочный, совершенно мне незнакомый. Сердце ударило неровно, и на секунду мне показалось, что пол под ногами стал мягче. Я глубоко вдохнула. Прошло.

— Красиво выглядишь, — сказал Роман и посмотрел на мои губы.

Я ждала секунду, две. Он ничего не сказал.

— По случаю? — спросил он наконец.

— Сегодня двадцать третье октября.

Молчание длилось совсем недолго, но двенадцать лет брака, как выяснилось, прекрасно помещаются в одну секунду.

— Чёрт. Вер... Неделя сумасшедшая.

— Двенадцать лет.

— Я помню, сколько.

— Просто не помнишь когда.

Он оглянулся на холл.

— Давай не здесь.

— Первая хорошая идея за вечер.

* * *

Ресторан пришлось отменить. Через двадцать минут мы сидели в его машине на парковке за гостиницей. Дождь бил по стеклу, дворники лениво размазывали воду, Роман держал руки на руле, а я держала телефон с открытым объявлением о продаже отеля. Я нашла его три дня назад и три дня ждала, что он заговорит сам. Сегодня перестала ждать.

— Объясни.

Он даже не спросил что.

— Я собирался тебе сказать.

Наверное, существует специальный учебник для мужчин, которые собираются разрушить чужую жизнь: начинают они почему-то одинаково.

— Когда?

— После сделки.

Я рассмеялась, и от смеха снова кольнуло где-то в груди. Я машинально потёрла это место ладонью.

— Тебе плохо? — спросил Роман.

— Мне прекрасно. Ты продаёшь гостиницу за моей спиной в нашу годовщину. Никогда не чувствовала себя лучше.

Он отвёл глаза.

— Вер, бизнес не тянет.

— Он прибыльный последние девять месяцев. Мы только вышли из кредитов.

— Именно поэтому сейчас хороший момент продать.

— Мы?

Он промолчал, и этого оказалось достаточно. Не любовница, не объявление, не забытая дата — одно местоимение. Он перестал говорить «мы», а я вдруг поняла, что перестал он довольно давно.

— Кто покупатель?

— Инвесторы.

— Полина среди них?

Роман резко повернул голову.

— Ты читала мой телефон?

— Уведомления появляются на экране.

— Это не то, что ты думаешь.

— Никогда не понимала эту фразу. Ты сейчас скажешь, что спишь с ней не так, как я думаю? Как давно?

— Какая разница?

Вот тогда стало по-настоящему больно. Не когда я увидела сообщения и не когда нашла объявление, а сейчас, потому что человеку напротив действительно было всё равно, сколько месяцев моей жизни прошли параллельно с его другой жизнью.

— Для меня есть.

— Несколько месяцев.

В груди снова сжалось, сильнее, будто кто-то медленно затягивал ремень под рёбрами. Я расстегнула верхнюю пуговицу пальто. Душно. Наверное, в машине.

— Она покупает гостиницу?

— Компания её отца входит в сделку.

— Очень удобно.

Я отвернулась к окну. В мокром асфальте отражалась вывеска отеля. Название придумала я. Логотип выбирала я. Первые фотографии номеров снимала на старенький телефон, потому что на фотографа не было денег. Меняла бельё, когда болела горничная, ночевала на диване в кабинете во время ремонта, уговаривала банк, сотрудников и самого Романа не бросать всё после первого плохого сезона. Обидно было не за деньги. Обидно было за то, что через месяц здесь будет ходить новая управляющая и не будет знать, что окно в двести шестом нужно прикрывать сильнее обычного, а господин Лапин каждый март просит один и тот же номер, потому что когда-то останавливался там с женой.

Она научится, конечно. Гостиницы переживают управляющих. Просто мне казалось, что эта переживёт меня не так скоро.

— Хорошо, — сказала я. — Развод.

— Я ещё ничего не сказал про развод.

— Скажешь. Давай не будем тратить время. На кого оформлена квартира?

Он молчал, и я знала ответ.

— Машина твоя. Гостиница твоя. Счета бизнеса твои.

— Мы всё решим нормально. Я не собираюсь выкидывать тебя на улицу. Не делай из меня чудовище.

Я посмотрела на него и впервые за весь разговор увидела совершенно ясно. С чудовищем было бы проще. Передо мной сидел обычный человек, которому однажды стало удобнее жить без меня и который подготовился к этому гораздо лучше, чем я.

— Я хочу половину стоимости бизнеса.

— Юридически ты не являешься совладельцем.

Он уже консультировался. А я утром покупала красную помаду к годовщине.

Я открыла дверь машины, и холодный воздух ударил в лицо.

— Куда ты? Дождь.

— Замечу.

— Давай отвезу.

— Нет.

* * *

До квартиры было минут двадцать пешком. Дождь почти сразу испортил волосы, и помада, наверное, тоже долго не продержалась, но сейчас это казалось последней проблемой на земле. Машина Романа проехала мимо и не остановилась. Я не обернулась.

Телефон завибрировал.

Роман: «Не делай глупостей. Завтра поговорим спокойно».

Именно эта фраза разозлила меня сильнее всего. Будто это я сейчас угрожала его тщательно подготовленной новой

жизни.

Через несколько кварталов грудь сдавило так, что пришлось остановиться. Я прислонилась ладонью к холодной стене дома и попыталась вдохнуть. Воздух входил, но его почему-то не хватало. Сердце билось быстро, потом слишком медленно, потом снова быстро. В висках шумело, дождь стёк за воротник.

— Прекрасно, — пробормотала я. — Только панической атаки мне не хватало.

Я никогда их не испытывала, но решила, что выглядят они, наверное, именно так. Закрыла глаза и начала считать. Считать я умела: счета, полотенца, номера, зарплаты, дни до следующего платежа. Если вещь можно посчитать, её можно пережить.

На десяти стало легче. Я открыла глаза и увидела гостиницу.

Она стояла через дорогу, между аптекой и закрытым книжным магазином: небольшой старый дом, слишком узкий для нормальной гостиницы и слишком тёмный для работающей. Я проходила здесь сотни раз — по крайней мере, была в этом уверена. Но этого здания не помнила.

Над входом висела потемневшая деревянная вывеска.

ГОСТИНИЦА

И ниже, маленькими золотыми буквами:

СВОБОДНЫЕ КОМНАТЫ ЕСТЬ ВСЕГДА.

Я прочитала дважды, и на втором прочтении эти буквы

показались неприятнее, хотя я не смогла бы объяснить почему. В другой вечер профессиональное любопытство заставило бы меня задержаться: кто открывает гостиницу в таком месте, где парковка, сколько здесь может быть номеров и как владелец собирается окупать здание с тремя окнами по фасаду. Сейчас мне было всё равно. Я хотела в горячий душ и в кровать, а ещё желательно проснуться утром в другой жизни, где женщины в тридцать шесть лет наконец учатся не подписывать документы со словами «да какая разница, мы же семья».

Над дверью горел небольшой старинный фонарь, хотя секунду назад я могла бы поклясться, что здание было тёмным. Свет у него был тёплый, как от лампы в доме, где тебя ждут к ужину, и от этой нелепой ассоциации внутри снова стало тяжело.

Только тогда я заметила, как тихо стало вокруг. Дождь шёл, я видела, как капли разбиваются о лужи и стекают по водосточной трубе аптеки, но городской шум будто отодвинулся очень далеко. Не было машин. Не хлопали двери. Светофор в конце улицы мигал в полной тишине.

— Теперь ещё и слух, — сказала я вслух, и собственный голос прозвучал слишком отчётливо.

Я достала телефон. На экране было 19:47 и новое сообщение от Романа: «Вер, ответь хотя бы, когда дойдёшь». Восемь минут назад он советовал мне не делать глупостей, а теперь изображал заботу. Я убрала телефон в сумку.

Дверь старого дома была приоткрыта ровно настолько, чтобы сквозь щель пробивался тот же тёплый свет.

Нормальный человек прошёл бы мимо. Я понимала это совершенно отчётливо. Нормальный человек не заходит вечером один в незнакомую гостиницу только потому, что дверь открыта, особенно после того, как полчаса назад его сердце решило тоже оформить развод. Но нормальная Вера утром покупала помаду к годовщине, и сегодня её мнение можно было временно не учитывать.

До сих пор не знаю, почему я перешла дорогу. Не было ни голоса, ни непреодолимого зова, ничего такого, что потом можно удобно назвать магией и снять с себя ответственность. Я просто пошла. Наверное, мне всю жизнь было трудно пройти мимо плохо работающей гостиницы.

На середине дороги снова закружилась голова. Боли не было, была странная слабость, будто ноги вспомнили последние одиннадцать лет раньше меня и решили отказаться от дальнейшего сотрудничества. Я постояла, отдышалась и дошла до тротуара. Только потом подумала, что за всё это время меня не объехала ни одна машина и никто не посигналил женщине, застывшей посреди дороги. Тогда это не показалось важным. Дождь, поздно, повезло. Человеческий мозг удивительно талантлив, когда ему нужно сделать ненормальное нормальным.

На крыльцо вели три каменные ступени. На первой лежали мокрые листья, на второй шла тонкая трещина, третья

просела у правого края. Я отметила всё это автоматически и разозлилась: даже сейчас я считала чужие расходы на ремонт.

Дверь открылась от лёгкого толчка, и первым пришёл запах. Сухие травы, старое дерево и яблоки — не освежитель воздуха «Яблоневый сад» и не химическое подобие уюта, которое гостиницы закупают коробками, а настоящие яблоки, как в бабушкиной кладовой в сентябре, когда я ещё не знала слов «загрузка номерного фонда», «кассовый разрыв» и «юридически вы не совладелец».

Я вошла.

* * *

Внутри оказалось гораздо больше места, чем могло поместиться за узким фасадом. Первой мыслью было, что пристройка уходит вглубь двора, второй — что это всё равно странно.

Высокий холл. Две изогнутые деревянные лестницы, слева и справа, симметрично поднимались к галерее второго этажа. Между ними, в центре, стояла стойка регистрации из тёмного дерева. Когда-то здесь явно было красиво; теперь красота осталась скорее обещанием: потемневшая лепнина, выцветший ковёр винного цвета, латунные светильники, которые давно никто не полировал, несколько кресел разных эпох и большое зеркало, в котором отражалась старая люстра.

Ни одного человека.

— Здравствуйте?

Под каблуком скрипнула половица. Мне стало неудобно — не страшно, а именно неудобно. Пустая гостиница ощущается иначе, чем пустой магазин. В гостинице всегда кто-то должен быть: дежурный администратор, горничная, хотя бы сонный человек за стойкой, которому ты мешаешь смотреть сериал. Здесь не было никого. Но свет горел, у входа лежал чистый коврик, а на тарелке возле стойки стояли яблоки.

Профессиональная часть мозга пришла в себя быстрее остальных и принялась возмущаться. Стойка без сотрудника. Ключи висят открыто. Книга регистрации лежит на виду, бронзовый колокольчик стоит посередине, словно предлагает в него позвонить.

— Безобразие, — пробормотала я и тут же поняла, как идиотски звучит возмущение сервисом в гостинице, в которую я даже не собиралась заселяться.

Книга была настоящая, рабочая, в тяжёлом кожаном переплёте, с затёртыми краями и несколько раз подклеенным корешком. На металлической застёжке темнели следы пальцев. Такие вещи мне нравились: в них больше жизни, чем в новеньких планшетах на современных ресепшенах. Она была открыта примерно посередине, на пустой странице с аккуратными графами: «Имя», «Прибытие», «Комната», «Отъезд». Я перелистнула назад — тоже пусто, и ещё страницей раньше.

— Серьёзный бизнес, — сказала я. — Полная загрузка.

Наверху что-то скрипнуло. Лестницы уходили к галерее, дальше коридор терялся в темноте, а на перилах лежал такой слой пыли, что мне захотелось найти администратора хотя бы из профессиональной солидарности и сказать ему несколько неприятных вещей. Скрип повторился, отчётливее. Старый дом, дерево гуляет от влажности. Я знала десятки зданий, которые по ночам разговаривают лучше людей, и всё равно не сводила глаз с галереи.

За спиной звякнул колокольчик.

Я обернулась. Он ещё покачивался на стойке.

— Сквозняк, — сказала я. Прозвучало почти убедительно.

Входная дверь была закрыта. Я её не закрывала. Я подошла и взялась за ручку: она была тёплой — не просто не холодной после дождя, а тёплой, словно на ней только что лежала чужая ладонь.

Я распахнула дверь. За порогом клубился серый туман. Ни аптеки, ни книжного, ни фонаря, ни дороги — только плотная молочная серость, начинавшаяся сразу за ступеньками. Мозг честно перебрал варианты: пар, дым, очень сильный ливень, внезапное ухудшение зрения, нервный срыв. Последний выглядел всё убедительнее.

— Эй!

Я не услышала даже собственного эха. Туман шевельнулся у самой калитки, хотя пять минут назад никакой калитки здесь не было.

Я закрыла дверь. Сердце сбилось — один сильный удар, пауза, ещё один. Я прижала ладонь к груди.

— Только не сейчас.

И почти рассмеялась: а когда? На следующую годовщину?

— Хорошо. Сначала найдём человека. Потом такси, врач, психиатр — в любом порядке.

С планом всегда проще. Я вернулась к стойке и остановилась.

На пустой странице книги появилась запись. Я не видела, как это произошло: секунду назад бумага была чистой, а теперь в первой графе стояло имя, выведенное ровным старомодным почерком.

Вера Лаврова.

У меня похолодели пальцы. Розыгрыш. Роман. Кто-то из сотрудников, скрытая камера, идиотское реалити-шоу. Версия с Романом была настолько нелепой, что почти успокаивала, пока я не вспомнила, что он не мог знать, где я. Я сама не знала, что останюсь здесь.

Чернила блестили, свежие. Ниже медленно проступила следующая строка: сначала тёмные точки, потом они потянулись друг к другу и собрались в слова.

Прибытие: 23 октября.

— Кто здесь? Если это розыгрыш, он отвратительный.

Никто не ответил. В следующей графе появилось:

Комната: 1.

Последняя графа, «Отъезд», осталась пустой. Ну конеч-

но, пустой, подумала я, я же только приехала. Эта мысль почему-то успокоила настолько, что я за неё уцепилась. Обычная регистрационная форма: прибыла, первая комната, отъезд потом. Ничего особенного, если не считать того, что запись появилась сама.

Наверху зажёгся настенный светильник. Один, над дверью в самом начале галереи. На таком расстоянии я не могла разглядеть номер, но почему-то уже знала, что там единица.

— Нет, — сказала я вполне уверенно. Если гостиница имела привычку самостоятельно распределять номера, она могла подождать. Мне нужен был человек. Телефон, полиция, врач — что угодно из привычной реальности.

Я полезла в сумку. Кошелёк, ключи, помада, салфетки, зарядка, рабочий блокнот. Телефона не было. Я вытряхнула всё на стойку, проверила внутренний карман, боковой, прощупала подкладку. Я точно убрала его в сумку. Я видела на экране 19:47 и сообщение Романа. Я положила его сюда.

Телефона не было. Зато красная помада скатилась по дереву и остановилась у самой книги, и почему-то именно эта маленькая знакомая вещь испугала меня больше, чем туман. Она была моя, настоящая, купленная сегодня утром в магазине возле работы. На колпачке осталась царапина, которую я сделала, уронив тюбик на кафель. Я провела по ней ногтем, чтобы убедиться. Всё остальное перестало подчиняться правилам, а помада осталась помадой.

Наверху хлопнула дверь. Я вздрогнула — и разозлилась.

Страх довольно быстро начинает раздражать, если лимит эмоций на сегодня уже превышен.

— Есть здесь кто-нибудь?!

В нормальной гостинице после такого крика администратор прибежал бы хотя бы из страха получить жалобу. Здесь вместо ответа книга регистрации сама захлопнулась. Кожаная обложка ударила по стойке, колокольчик подпрыгнул и звякнул.

— Очень гостеприимно, — сказала я галерее.

С правой лестницы донёсся тихий звук, похожий на скольжение ткани по дереву. Рациональных объяснений оставалось немного, и все они были психиатрическими. Я взяла со стойки колокольчик — в качестве оружия он выглядел жалко, но всё-таки лучше помады — и пошла к лестнице.

На третьей ступеньке грудь сжало так сильно, что я не сразу поняла, что происходит. Колокольчик выпал из руки, ударился о ступень и покатился вниз. Я вцепилась в перила. Я открывала рот, чувствовала запах яблок и старого дерева, но лёгкие словно забыли, что от них требуется. Боли почти не было, и это казалось самым странным. Только тяжесть и слабость, такая сильная, что колени подогнулись, и я села прямо на ступеньку.

Паническая атака. Стресс, кофе, пустой желудок, дождь, Роман — всё вместе. Завтра надо к врачу. Вот завтра и надо.

Я закрыла глаза и снова начала считать. Где-то далеко звякнул колокольчик. На пятом счёте вдох получился глуб-

же. На десятом дышать стало легко.

Я открыла глаза, и гостиница изменилась — совсем немного, настолько, что сначала я решила, будто мне показалось. Свет стал теплее. Перила под ладонью больше не были пыльными. Сверху тянуло теплом, как от хорошо протопленной печи. И сердце больше не болело. Вообще. Даже тяжесть исчезла, будто тело решило прекратить этот нелепый спектакль.

Я поднялась ещё на несколько ступеней и только тогда заметила свечу.

Она горела в бронзовом подсвечнике над дверью первого номера: небольшое пламя глубокого синего цвета. Наверное, местная система обозначений, подумала я. Синие комнаты, красные, зелёные. Каждый владелец сходит с ума по-своему.

И тут свет во всём доме погас. Не мигнул, не дрогнул — просто исчез.

В темноте запах яблок стал сильнее. Совсем рядом скрипнула половица, потом ещё одна, будто кто-то стоял на галерее. Я его не видела, но впервые за вечер знала совершенно точно, что там кто-то есть.

— Кто здесь?

Синее пламя продолжало гореть. Оно не освещало коридор и не отбрасывало теней. Оно просто было — единственный свет во всём доме.

Внизу, в холле, сама собой открылась книга регистрации. Я слышала, как шелестят страницы и как они останавливают-

ся. Потом раздался негромкий чистый звон бронзового колокольчика, один раз, будто кто-то сообщил: гость прибыл.

Я хотела спуститься. Правда хотела. Но мир вдруг наклонился — не лестница и не гостиница, а весь мир сразу.

Последним я увидела синее пламя над первым номером. Последним почувствовала запах яблок.

А потом стало темно.

Глава 2

Дом, который не любит порядок

Я проснулась оттого, что кто-то хлопнул дверью. Не закрыл, а именно хлопнул — с тем особенным чувством, с каким хлопают люди, которым очень хочется оставить за собой последнее слово, а слов уже не осталось.

Несколько секунд я лежала, не открывая глаз. Сознание возвращалось кусками, и каждый следующий нравился мне меньше предыдущего. Тяжёлое одеяло. Слишком мягкий матрас. Запах старого дерева и яблок, от которого внутри что-то неприятно дрогнуло. И только потом — Роман, дождь, незнакомая гостиница, моё имя в книге регистрации и синее пламя над дверью первого номера.

Я открыла глаза. Высокий потолок с потрескавшейся лепниной, выцветшие обои в мелкий цветок, шкаф, которому на вид было лет сто, и тяжёлые шторы винного цвета из плотного льна, выгоревшие на складках до светлых полос. Не шёлк и не бархат, которыми дорогие отели любят прикрывать отсутствие вкуса, а нормальная добротная ткань, выбранная человеком, который рассчитывал пользоваться ею долго.

Первой мыслью было: неплохой материал. Второй: Вера, у тебя серьёзные проблемы.

Я резко села. Голова не закружилась, грудь не болела. Вче-

рашняя слабость исчезла без следа, а вместе с ней пропала и привычная тяжесть между лопатками, с которой я просыпалась последние года два. Я несколько раз глубоко вдохнула, прислушиваясь к себе. Воздуха хватало, сердце билось ровно, и даже шея, которая обычно по утрам напоминала, что пора сменить подушку, молчала.

— Отлично, — сказала я вслух. — Умереть от нервов пока отменяется.

Голос звучал нормально. Никаких галлюцинаций — если не считать комнаты и двух лун, которые я увидела, отдёрнув штору.

За окном лежал город. Серые черепичные крыши спускались по холму, между ними тянулись узкие улицы, из труб поднимался дым, вдали темнела башня с часами. Ни высоток, ни машин, ни рекламных щитов, ни привычной путаницы проводов. У стены внизу стоял пустой экипаж; оглобли терялись в серой дымке, а на мостовой никого не было. Над крышами висели две луны: одна большая, бледная, почти прозрачная на утреннем небе, другая меньше и заметно темнее.

Я задёрнула штору. Постояла. Открыла снова. Луны остались на месте.

Паническая атака, нервный срыв, похищение, наркотики, кома — мозг услужливо перебирал варианты, но два небесных тела плохо помещались в каждый из них.

На стене напротив кровати висел портрет пожилой жен-

щины в высоком кресле, с обеими руками на трости. Серебристые волосы собраны на затылке, платье тёмное, почти строгое, а лицо из тех, которые трудно назвать красивыми или некрасивыми, потому что сначала замечаешь не черты, а характер. Художнику каким-то образом удалось написать её так, будто она не позировала, а терпеливо ждала, когда человек напротив перестанет заниматься ерундой. На потемневшей табличке под рамой было написано: «Агата Морвейн. Основательница».

— Доброе утро, Агата, — сказала я. — Надеюсь, у вас есть администратор.

Портрет не ответил. Уже плюс.

Возле кровати стояли таз, кувшин с водой, чистое полотенце и аккуратная стопка одежды. Моя вчерашняя блузка и юбка лежали там же — чистые, сухие, без единого пятна от дождя. Вот это мне понравилось меньше всего. Кто-то меня переодевал. Я огляделась так, будто виновник мог прятаться в шкафу.

— Есть кто-нибудь?

За дверью сразу постучали.

— Госпожа? Вы проснулись?

В комнату заглянула девушка примерно моего роста, с гладко убранными волосами и таким настороженным лицом, будто это у неё были основания меня опасаться. Простое тёмное платье, белый передник. Всё это настолько естественно смотрелось на фоне старой комнаты, что первым желани-

ем было спросить, где тут снимают исторический сериал.

— Как вы себя чувствуете?

— Зависит от ответа на следующий вопрос. Где я?

Пауза была совсем короткой, но я её заметила.

— В гостинице. В первой комнате.

— Номер я прочитать могу. Где находится гостиница?

Она посмотрела на меня внимательно, будто прикидывала, насколько сильно я ударилась головой.

— В Морвеле.

— Это город? А страна?

— Эдмар.

— Россия? Земля?

— Госпожа, я не понимаю.

Я отдёрнула штору до конца.

— Тогда начнём с простого. Почему у вас две луны?

Девушка посмотрела в окно, потом на меня, и впервые я увидела на её лице настоящее удивление.

— А сколько должно быть?

Почему-то именно этот ответ оказался хуже любого другого.

— В моём мире одна, — сказала я и сама услышала, как безумно это прозвучало.

Девушка медленно опустилась на край кресла, сцепив пальцы на переднике.

— Вы помните, как вас зовут?

— Вера Лаврова.

Она чуть вздрогнула.

— Что?

— Ничего. В книге написано именно так.

Значит, мне не приснилось. Мокрые чернила, «прибытие», «комната один».

— Вас как зовут?

— Мира.

— Хорошо, Мира. Расскажите спокойно, что произошло вчера.

— Я правда не знаю. Гостиница... привела вас.

— Гостиница. Здание.

Мира посмотрела на стену.

— Она.

Над нами скрипнула балка.

— У вас крыша течёт?

— Нет. Просто здесь проще думать о ней как о живой.

Будто в подтверждение, дверца шкафа медленно открылась сама. Внутри висели два платья и никого не было. Я подошла и закрыла дверцу.

— Сквозняк.

Окно было закрыто. Мира ничего не сказала, но посмотрела на меня так, как смотрят на человека, которому уже много раз объясняли про сквозняк, а потом сквозняк начал переставлять мебель.

— Бывает и мебель, — сказала она, и уголок её рта дрогнул.

Вода в кувшине оказалась ледяной.

— Горячая вода здесь вообще существует?

В стене за умывальником что-то металлически стукнуло.

— Николас, — сказала Мира.

— Кто такой Николас?

Стукнуло дважды.

— Отопление. То есть человек. — Она ответила слишком быстро. — Он... не совсем в трубе.

Я снова опустила пальцы в кувшин. Вода была тёплой. Я отдернула руку, а Мира тихо сказала в сторону стены:

— Спасибо, Николас.

Короткий стук в ответ. Я помолчала секунд десять.

— Допустим.

Это «допустим» грозило стать опасно универсальным.

* * *

Через пятнадцать минут я была умыта, одета и значительно злее, что всегда помогало мне думать. Мира вывела меня в коридор, и первым, что я увидела, был вчерашний синий огонь над моей дверью. Он горел в маленьком бронзовом подсвечнике совершенно неподвижно, хотя по коридору тянуло прохладой.

— Над занятой комнатой свеча загорается сама, — сказала Мира, прежде чем я успела спросить. — Цвет зависит от того, кто внутри.

— И что означает синий?

Она помолчала слишком долго.

— Смерть.

Внутри неприятно сжалось, но я тут же вспомнила портрет.

— Агата.

— Мы думаем, да. Первая комната была её. После её смерти дверь не открывалась.

— Замок сломался?

— Нет. Дверь не открывалась.

Я начинала понимать, что уточняющие вопросы в этой гостинице иногда только ухудшают дело.

— И вчера открылась.

— Для вас.

— То есть в комнате остался след умершей хозяйки, а я его каким-то образом разбудила.

— Возможно.

— Вы очень любите это слово.

— Здесь оно безопаснее остальных.

В коридоре было девять дверей, если считать мою. Одни выглядели так, словно их красили лет двадцать назад, другие — будто ещё Агата лично запретила к ним прикасаться. Над каждой висел такой же подсвечник, но горел только мой. В конце коридора была дверь с цифрой семь: тёмное дерево, старая латунная ручка, тонкие царапины у замка. Ничего особенного, но Мира рядом со мной заметно напряглась.

Ручка не поворачивалась.

— Она всегда закрыта, — сказала Мира. — И пусть оста-

ётся.

— Замок?

— Не обычный.

— Конечно. Это моя гостиница?

Мира посмотрела на меня странно, почти с жалостью.

— Да.

— Тогда очень скоро я разберусь, что в ней происходит.

Я отвернулась от двери, и краем глаза мне показалось, что в тёмном подсвечнике над седьмым номером на мгновение вспыхнула тонкая золотая искра. Когда я посмотрела прямо, подсвечник был пуст. Отблеск, решила я. Из окна на лестнице.

* * *

На первом этаже меня ждало то, что Мира назвала персоналом, а я мысленно назвала будущей причиной нервного срыва.

Игнат оказался огромным рыжим мужчиной с руками человека, который может одной ладонью поднять кастрюлю на целый ресторан. Он стоял у двери кухни и смотрел на меня так, будто заранее подозревал, что я собираюсь менять меню.

— Повар, — представила Мира.

— Иногда чиню, — добавил Игнат. — Всё, чего Николас не хочет.

Из стены тут же донёсся металлический удар, и Игнат закатил глаза:

— Я тоже рад тебя слышать.

Потом были близнецы. Одинаковые чёрные волосы, одинаковые серые глаза, высокие воротники рубашек и одинаковые ухмылки. Один подпирал плечом стойку, второй сидел прямо на перилах левой лестницы, отчего я мгновенно представила сломанный позвоночник и судебный иск.

— Тим.

— Дин.

— Или наоборот.

— Слезьте, — сказала я тому, кто сидел.

— Она мне нравится, — сообщил один.

— Рано, — ответил второй, и сидевший спрыгнул на пол неожиданно легко, почти беззвучно. — Мы портье.

— Лучшие.

— Единственные, поэтому автоматически лучшие.

— Достаточно, — сказала Мира, и оба замолчали одновременно. Я посмотрела на неё с уважением.

Лея, молодая светловолосая женщина с длинной косой и спокойным лицом, держала за руки двоих детей — серьёзного мальчика Леона и девочку Адель, которая улыбнулась мне так осторожно, будто не была уверена, что ей можно.

— Они помогают мне с бельём, — сказала Лея.

— Дети работают? А школа?

Все трое почему-то замерли.

— Здесь иначе, — ответила за них Мира. Ответ мне не понравился, но список вопросов уже вышел за разумные пределы.

Последним стоял мужчина лет сорока в тёмной одежде.
— Гаррет. Ночная смена.

Он протянул руку. Ладонь была не прохладной, а по-настоящему холодной, как металлическая ручка зимой. Я чуть не отдёрнула пальцы, но удержалась, и Гаррет отпустил первым.

— На улице холодно, — сказал он.

День за окном был солнечный. Я не стала спорить.

— А Николас?

Игнат ткнул пальцем в пол:

— Подвал.

— Он не любит людей, — сказал Тим.

— И разговоры.

— И свет.

— И вообще почти всё.

Труба ответила тремя короткими ударами, и близнецы замолчали.

— Даже спрашивать не буду, — сказала я Мире.

— Это разумно.

* * *

Через полчаса я потребовала бухгалтерию, и вот тут люди испугались по-настоящему. Призраки, две луны и разговаривающие трубы могли подождать. Деньги — нет.

В маленькой комнате за стойкой на столе лежали несколько толстых книг, пачки счетов, долговые расписки и столько хаоса, что мне стало физически легче. Наконец-то пробле-

ма, которую я понимала. Расходы на муку соседствовали с ремонтом крыши, оплата свечей стояла рядом с дровами, а в некоторых местах вместо суммы было написано «много».

— Кто написал «много»?

Игнат кашлянул.

— Было много.

— Сколько?

— Уже не помню.

— А зарплата сотрудникам?

— Нам не платят, — тихо сказала Мира. — Мы живём здесь.

— А последний гость когда был?

Все переглянулись.

— Восемь месяцев назад.

— Восемь месяцев у гостиницы нет гостей?

— Один весной заходил, — сказал Игнат.

— Примерно восемь месяцев.

— Значит, правильно посчитали.

Я захлопнула книгу. В холле что-то тяжело упало.

— Ей не нравится, когда кричат, — сказала Мира, глядя на стены.

Я встала и вышла в холл, не слушая, как она растерянно зовёт меня «госпожа».

— Слушай внимательно, чем бы ты ни была. Восемь месяцев без гостей, бухгалтерия ведётся словом «много», сотрудники не получают денег, а отоплением заведует человек из

трубы. Если ты хочешь развалиться и окончательно остаться без постояльцев, это твоё дело. Но пока я здесь, всё будет работать нормально.

Дверь в коридор с грохотом захлопнулась, а сверху мне на плечо посыпалась пыль. Близнецы уже не скрывались. Игнат фыркнул. Я медленно стряхнула с блузки серый налёт.

— Хорошо, — сказала я стенам. — Война так война.

И почему-то впервые за утро мне стало почти весело.

* * *

Рейнар Вельт появился после обеда. Я поняла, кто это, ещё до того, как Мира назвала имя, потому что люди редко входят в гостиницу с лицом человека, который уже мысленно составляет акт о её закрытии.

Высокий, темноволосый, в длинном чёрном пальто с серебряной застёжкой у горла. Резкое лицо, спокойный и очень внимательный взгляд. Не красавец в том очевидном смысле, от которого забываешь слова, а из тех мужчин, которых через пять минут почему-то начинаешь рассматривать внимательнее, чем собиралась. Он остановился посреди холла, оглядел меня, обе лестницы, стены и снова меня.

— Вера Лаврова?

Здесь впервые кто-то произнёс моё имя правильно.

— Рейнар Вельт, магическая инспекция Морвеля. Прошлой ночью здесь зафиксировано пространственное возмущение, которого в этой части города не было много лет. Мне нужно осмотреть здание.

— Конечно, — сказала я. — Сегодня вы пока самый нормальный пункт программы.

— Боюсь, это ненадолго.

Ответ мне почти понравился.

Он повернулся к Мире:

— Седьмая?

— Не открывалась. Но загорелась первая.

Рейнар не изменился в лице. Просто перестал выглядеть скучающим.

Синее пламя он изучал долго. Сначала смотрел, потом достал из внутреннего кармана тонкую металлическую пластину с выгравированными знаками и провёл ею под огнём. По металлу пробежали бледно-фиолетовые линии.

— Я очень люблю моменты, когда специалист молча стоит у потенциально опасного объекта в моей спальне, — сказала я.

— Некротическая сигнатура. След смерти.

— Агата.

— Вероятно. Первый номер принадлежал ей, после её смерти он закрылся, теперь открылся для вас, и одновременно появилась синяя свеча. Я считаю это рабочей версией.

— Мира говорит то же самое.

— Значит, иногда мы с Мирой способны соглашаться.

Потом он протянул руку ладонью вверх.

— Запястье.

— Простите?

— Мне нужно вас проверить.

— На что?

— На смерть.

— Удивительно, как быстро вы перестали быть нормальным пунктом программы, — сказала я и протянула руку.

Он даже не улыбнулся. Пальцы у него оказались тёплыми. Несколько секунд он считал пульс, потом провёл большим пальцем по внутренней стороне запястья, и на коже вспыхнула тонкая золотистая линия.

— Контур существует. Вы материальны, сердце работает, структура стабильна.

— То есть я жива.

Он задержал взгляд на моей руке на секунду дольше, чем требовалось.

— По доступным показателям — да. Я вижу устойчивый жизненный отклик. Но здесь сильный фон: прибор различает состояние сейчас, а не объясняет, что с вами произошло до появления в доме.

Простая фраза. Я не поняла, почему от неё стало так легко.

У седьмой двери Рейнар изменился сильнее, чем у синей свечи: плечи стали жёстче, а рука дольше обычного задержалась у внутреннего кармана, прежде чем достать другой прибор, тонкий кристалл в металлической оправе. Кристалл вспыхнул фиолетовым.

— Переходная магия. Здесь много старых следов.

— Портал?

Он быстро посмотрел на меня.

— Откуда вы знаете слово?

— У нас есть фантастика. Литература про вещи, которых не бывает. — Я покосилась на окно с двумя лунами. — Раньше определение казалось мне проще.

— Дверь закрыта, — сказал он тише, чем прежде. — И всё же с ней связаны старые переходы. Я пытаюсь понять что.

— Вы здесь бывали раньше.

— Достаточно часто. Не пытайтесь открыть седьмую са-мостоятельно.

— Вы серьёзно запрещаете мне открывать дверь в собственной гостинице? Мы знакомы десять минут.

— Именно поэтому я пока надеюсь, что вы послушаете.

Вот тогда он почти улыбнулся.

* * *

Я пошла проводить его, потому что собиралась наконец выйти наружу и хотя бы посмотреть на город. У входа Мира побледнела так, что я начала подозревать: это её обычное выражение лица.

— Вы ещё не выходили? — спросил Рейнар. — Тогда пойдёмте.

Он открыл дверь, и я замерла. Вчера вход смотрел прямо на улицу — я помнила это совершенно точно. Теперь от крыльца тянулась дорожка между старыми яблонями, в конце стояла железная калитка, а за ней начиналась улица, пу-

стая, серая, в лёгком тумане.

— Здесь был сад?

— Всегда, — сказал Рейнар.

— Вчера не было. Была улица прямо за ступеньками.

Он посмотрел на Миру, и Мира опустила глаза.

— Пространство вокруг гостиницы иногда меняется.

— «Иногда» здесь тоже очень полезное слово.

Земля была влажной, трава блестела, пахло мокрыми листьями. Сад оказался больше, чем можно ожидать от здания в центре города: несколько старых деревьев, заросшая клумба, каменная скамья, хозяйственная постройка у дальней стены. После комнат, которые сами выбирают жильцов, и мужчины, который проверяет тебя на смерть, обычное мокрое дерево казалось почти роскошью.

— Что там дальше? — спросила я у калитки.

— Восточная улица. Сейчас довольнолюдно.

Я посмотрела сквозь прутья. Пустая мостовая, тёмные дома, туман, сгущавшийся шагах в двадцати. Ни души.

— Где люди?

Рейнар остановился.

— Перед аптекой стоят трое. Женщина с мальчиком. Через дорогу едет экипаж.

Я увидела только серый фасад без вывески и не услышала даже стука колёс.

— Очень смешно.

— Я не шучу.

По его лицу было видно, что не шутит. Я потянулась к калитке, но он остановил меня:

— Подождите. Я хочу сначала проверить границу.

И вышел за калитку. Не растворился, не вспыхнул — просто сделал шаг, и там никого не оказалось.

— Рейнар? Рейнар!

Через секунду он шагнул обратно и появился прямо передо мной.

— Вы кричали?

— Вас там не было.

— Я стоял в двух шагах.

Он вышел снова. Я смотрела на пустую улицу, пока его рука не возникла из ниоткуда, пересекая линию между столбами калитки.

— Попробуйте вы, — сказал он.

Я взялась за холодный металл и шагнула — и оказалась там же, в саду. Шагнула снова. Быстрее. С другой стороны. Я не чувствовала ни удара, ни сопротивления, ни стены. Просто в мире не было момента, когда моя нога оказывалась снаружи.

Рейнар провёл кристаллом вдоль калитки, и тот засветился мягким золотом.

— Связь между вами и домом.

— Она меня не выпускает.

Мира стояла на крыльце, и по её лицу я поняла, что именно этого она и боялась.

— Возможно, — сказал Рейнар. — Дом признал вас очень быстро: первая комната открылась, граница реагирует именно на вас. Правил этой связи я пока не знаю. То, что вы не видите людей, может быть частью того же эффекта. Пока гостиница не завершила ваше включение в свою структуру, вы можете воспринимать город искажённо.

— «Не завершила». И когда завершит?

— Не знаю.

— Что ей для этого нужно?

— Не знаю.

— Сколько это длится?

— Вера.

— Не знаете.

Я закрыла калитку. Это оказалось легче, чем продолжать смотреть на пустую улицу.

— Значит, меня сюда зачем-то притащили, поселили в комнате мёртвой хозяйки и не выпускают, пока не закончат неизвестно что.

— Я бы так не формулировал.

— А я бы именно так.

Дом за нашими спинами тихо заскрипел.

— Я тебя слышу, — сказала я, не оборачиваясь, и скрип прекратился.

— Вы всегда разговариваете со зданиями? — спросил Рейнар.

— Только когда они начинают первыми.

— Не пытайтесь сегодня снова пересечь границу. Мы не знаем, что будет, если она начнёт сопротивляться сильнее.

Я посмотрела на туман, на окна, на синий огонёк, едва заметный за стеклом второго этажа, и вдруг вспомнила пустую графу в книге регистрации. «Отъезд». Я прогнала эту мысль.

— Хорошо. Значит, сначала разберёмся с гостиницей.

— Это угроза?

— План.

— Почему-то от этого не спокойнее.

У крыльца меня ждала Мира.

— Госпожа...

— Сначала кофе, — сказала я. — Потом бухгалтерия.

Из открытого окна кухни громко выругался Игнат, и я впервые за день улыбнулась.

На пороге я всё-таки оглянулась. Улица за калиткой была совершенно пустой, а Рейнар, стоявший у ограды, вдруг слегка отступил в сторону, будто пропускал кого-то, кого я не видела.

Я ничего не сказала. Мне и без того хватало невозможного. Но, закрывая за собой дверь, я уже знала, что рано или поздно найду способ пройти через этот туман. Вещи без смысла я никогда не умела оставлять в покое.

Глава 3

Дом, который переставляет стены

Я почти не спала. Не от страха — по крайней мере, так я повторяла себе каждый раз, когда открывала глаза и видела под дверью тонкую синюю полосу. Свеча над первой комнатой горела всю ночь, и теперь у неё было вполне разумное объяснение: след умершей Агаты Морвейн. Рейнар меня проверил, сердце работало, какая-то магическая структура тоже оказалась на месте, так что этот вопрос можно было временно считать закрытым. «Временно» — удобное слово. Оно позволяет сложить всё непонятное в отдельную папку и жить дальше.

Хуже была калитка. Перед сном я ещё раз подошла к окну: сад заканчивался чёрной решёткой, а за ней лежала пустая серая улица, растворявшаяся в тумане. Если бы Рейнар не рассказывал мне совершенно серьёзно о женщине с мальчиком, которых я не видела, я бы решила, что улица действительно вымерла. Но он их видел, а я нет. Он мог выйти, а я нет.

Самая логичная версия звучала так: гостиница признала меня хозяйкой, привязала к себе и по какой-то причине пока не отпускает. А раз существует «пока», значит, существует и условие, после которого это закончится. Чего именно гости-

нице от меня надо, я понятия не имела, но собиралась выяснить — желательно раньше, чем привыкну считать две луны нормальным явлением.

Проснулась я оттого, что где-то со всей силы хлопнули дверью.

— Если это местный будильник, сервис отвратительный,
— сказала я в потолок.

В стене протяжно скрипнуло.

— И тебе доброе утро.

За окном лежал тот же чужой город, только утренний свет делал его ещё настоящим: дымили трубы, над крышами темнела колокольня, на мосту, которого я вчера не заметила, ветер шевелил обрывок ткани. Ни одного прохожего. Вчера слово «Морвель» ничего для меня не значило. Сегодня так назывался город, до улиц которого я не могла добраться.

Я оделась, собрала волосы, открыла дверь и застыла на пороге. Вчера галерея начиналась почти напротив моей комнаты, и обе лестницы в холл были видны отсюда. Я это отлично помнила: память на расположение помещений у меня всегда была лучше, чем на дни рождения дальних родственников. Теперь передо мной тянулся длинный коридор без всяких лестниц.

Я пошла вправо. Вторая дверь, третья, четвёртая — пока всё логично. За четвёртой должна была быть пятая, а оказалась снова третья. Я вернулась, прошла мимо четвёртой, третьей, второй, шестой, повернула за угол и упёрлась в соб-

ственную дверь с синим огнём над ней. Она стояла так спокойно, будто никуда никогда не перемещалась.

— Мне нужен первый этаж, — сказала я коридору.

Тишина. Я пошла в другую сторону и через минуту опять оказалась у первой комнаты.

— Очень смешно.

Хлопнула дверь.

— Мне не смешно.

Ещё одна.

— Ты ведёшь себя как трёхлетний ребёнок.

Двери захлопали одна за другой, по всему этажу. Я закрыла глаза. В моей прошлой жизни так вели себя владельцы, которым сказали, что их любимые шторы в лобби устарели. С владельцами помогало одно.

— Хорошо. Извини. Теперь лестница, пожалуйста.

Рядом тихо щёлкнуло. Там, где секунду назад я совершенно точно видела обои, начинался пролёт вниз. Он не появился из воздуха и не выдвинулся из стены — просто был, как будто я его не заметила.

— Спасибо.

На третьей ступеньке ступеньки не оказалось. Нога ушла в пустоту, я успела вцепиться в перила и повисла, нелепо размахивая свободной рукой.

— Я же извинилась!

Наверху хлопнула дверь.

— Злопамятная развалина, — сказала я, осторожно пере-

ступая через пустое место, и весь дом протяжно заскрипел.

* * *

Мира протираала стойку, и я видела, как тряпка оставляет на тёмном дереве чистую блестящую полосу.

— Коридор? — спросила она, не поднимая головы.

— Коридор. И лестница теперь на одну ступень беднее.

— Вернёт.

— Удивительно успокаивает.

Пока Мира складывала тряпку, на краю только что вытертой стойки проступил тонкий серый налёт. Я провела пальцем — пыль. Мира даже не удивилась, только устало выдохнула и провела тряпкой ещё раз.

— Сколько раз в день ты так делаешь?

— Раньше считала.

Я оглядела холл внимательнее, и вчерашнее впечатление перевернулось. Гостиница не была заброшенной. Её пытались содержать в порядке. На окне остались разводы от свежей влажной тряпки, только поверх них уже проступала муть. Края ковра у лестницы были чище середины — его недавно выбивали. На одном из кресел аккуратно пришита новая латка. Это был не дом, о котором никто не заботился, а дом, который упрямо возвращал себе запустение.

— И она всегда возвращает пыль?

— Всегда. Потому что ненавидит нас.

В гостиной упала книга. Мира даже не повернулась.

Слово почему-то не подходило. Вчера гостиница не выпу-

стила меня за калитку, но дала мне комнату и сад. Утром она перепутала коридоры, но после извинения показала лестницу. Это было капризно, властно и очень раздражало, но ненависть обычно ощущается иначе.

— По-моему, она на вас злится, — сказала я. — Это не то же самое.

— Вы здесь второй день.

— Поэтому имею право ошибаться.

— И ошибаетесь.

Голос у Миры стал жёстким. Она уже опустила глаза и принялась тереть идеально чистый участок стойки сильнее, чем требовалось, и я впервые увидела в ней не осторожность, а злость — тихую и очень старую.

— Хорошо, — сказала я. — Не сейчас.

* * *

На кухне пахло хлебом. Игнат мешал что-то в огромной кастрюле, на столе лежали свежая буханка, масло и миска с чем-то похожим на творог. Он молча поставил передо мной тарелку.

Постепенно подтянулись остальные: Мира, близнецы, Лея с детьми и Гаррет, хотя его ночная смена, по моим расчётам, закончилась несколько часов назад. Никто не сел.

— Люди за завтраком обычно едят, — напомнила я.

— Я пробую, пока готовлю, — сказал Игнат.

— Я уже ела, — сказала Мира. — Раньше. На кухне.

Она вошла из холла одновременно со мной. Лея сказала,

что не голодна, и Леон тут же сообщил, что он тоже. Адель кивнула.

— Дети не бывают одновременно не голодны утром.

— Бывают, — нахмурился Леон.

— Она быстро учится, — вполголоса сказал Тим.

— Опасная женщина, — согласился Дин.

Гаррет стоял у стены совершенно бодрый, без малейших следов бессонной ночи.

— Ты вообще спал?

— Достаточно.

Достаточно. Давно. Потом. Не сейчас. В этой гостинице слишком любили слова, которые ничего не измеряют.

Я ела и смотрела. Лея налила детям чаю. Леон поднёс чашку к губам, но, кажется, так и не отпил. Хлеб в руке у Адели через несколько минут оставался целым. Может, они просто не хотели есть. Может, я слишком внимательно смотрела. «Недостаточно данных», — сказал бы Рейнар, и был бы прав.

— Сегодня инвентаризация, — объявила я, откладывая ложку.

Игнат застонал.

— Чего?

— Всего. Бельё, посуда, запасы, мебель, инструменты. Всё, что можно продать, сломать, потерять или украсть.

— Нельзя инвентаризировать всё.

— Я не могу выйти дальше сада. Свободного времени у

меня много.

Игнат подумал.

— Аргумент.

— А что нельзя украсть? — поднял руку Тим.

— Узнаем после инвентаризации.

— Она правда будет всё считать, — сказал Дин с тоской.

— Тебе всегда страшно, когда появляется работа.

— Это здоровый инстинкт.

Я улыбнулась, и на секунду в комнате стало легче. Именно тогда я заметила, что Мира смотрит на меня странно, будто пытается вспомнить, на кого я похожа. Поймав мой взгляд, она сразу отвернулась.

* * *

Начали с белья. Прачечная была в дальнем конце служебного крыла, и туда гостиница впервые за утро позволила пройти по совершенно прямому коридору. Внутри было удивительно чисто: большие деревянные столы, корзины, гладильные доски, полки с аккуратно сложенными простынями.

— Здесь пыль не возвращается?

— Почти, — улыбнулась Лея.

— Потому что Лея ругается, — сообщила Адель, подняв руку, как на уроке.

— Сильно, — добавил Леон.

— Ты должен был спать.

— Значит, очень громко ругалась.

Лея покраснела, и я сказала, что теперь понимаю, кто

здесь на самом деле управляет домом. Улыбка исчезла с её лица слишком быстро.

— Не говорите так.

Мы считали. Сорок две простыни, шестьдесят одна наволочка и совсем мало полотенец для гостиницы такого размера. Часть белья была детского размера.

— От прежних гостей, — сказала Лея, и Адель быстро переложила маленькую стопку детских наволочек на другой стол, подальше от меня. Леон перестал улыбаться. Обычная вещь — детские наволочки, но в прачечной вдруг стало очень тихо.

— Хорошо, — сказала я. — Эти оставляем.

Лея выдохнула. Я ни о чём не спросила. Иногда лучший способ получить ответ — не требовать его сразу.

* * *

К полудню дошли до подвала. Мира попыталась меня отговорить — там жарко, она пересчитает сама, там Николас, — но Игнат сдался первым и показал каменную лестницу за кухней.

Чем ниже мы спускались, тем гуще становился воздух. Наверху гостиница всё время казалась прохладной, а здесь было жарко, как в бане. Вдоль стен тянулись трубы, а в центре стоял огромный старый отопительный механизм с вентилями, рычагами и металлическими баками, будто его собирали несколько поколений мастеров и ни один не оставил инструкции. Но всё работало. Металл был чистым, вентили

смазаны, ржавчины почти нет. В моём прежнем отеле половина оборудования выглядела хуже.

— Николас? Это Вера. Новая управляющая.

Труба справа ударила один раз.

— Где он? — спросила я.

— Здесь, — сказал Игнат и обвёл рукой подвал. — Везде. Он не улыбался.

— А выйти не может?

— Не хочет, — поправила Мира. — Давно.

Я подошла к установке и провела ладонью по тёплому гладкому металлу.

— Хорошая работа.

Несколько секунд ничего не происходило, потом где-то в системе тихо щёлкнуло.

— Понравились, — хмыкнул Игнат.

— Даже труба здесь общительнее некоторых сотрудников.

Над головой у Игната загремел металл, и он отскочил: «Эй!» Я рассмеялась.

Мира стояла у стены и смотрела на дальний ряд труб.

— Вторая всё равно холодная, — сказала она вдруг, будто сама не заметила, что говорит вслух.

— Мира, — предостерегающе сказал Игнат.

— Комната номер два? Отопление не работает?

— Работает везде. Кроме второй.

— Николас не может починить?

— Не хочет.

Трубы перестали гудеть. Я только теперь поняла, как постоянно звучал этот гул, — по тишине, которая наступила, когда он исчез. Потом в глубине стены раздался один сильный удар. Мира вздрогнула, развернулась и ушла наверх. Что бы ни было между ней и этими трубами, к отоплению это имело мало отношения. Я поставила себе мысленную галочку.

* * *

После обеда я объявила генеральную уборку, и реакция была примерно такой, будто я предложила поджечь здание.

— Бесполезно, — сказала Мира. — Мы проверяли.

— Теперь проверю я.

— Она всё вернёт, — сказал Игнат.

— Значит, уберём ещё раз.

— Кто первый сдастся? — спросил Тим.

— Гостиница.

— Я ставлю на госпожу, — сказал Дин. — Вчера ставил против, но передумал.

Работали все, кроме Гаррета, который ушёл «спать», хотя я уже не была уверена, что он действительно спит. Сняли шторы, выбили ковры, вымыли окна, отполировали стойку. Игнат нашёл стремянку и снял паутину с люстры. Близнецы оказались удивительно ловкими и совершенно безответственными: дважды я ловила одного из них на перилах галереи, а однажды обнаружила второго стоящим на подоконнике снаружи открытого окна.

— Слезь. Мой стекло изнутри.

— Там неудобно.

— Зато не смертельно.

Близнецы переглянулись, и на несколько секунд оба стали странно серьёзными.

— Хороший аргумент, — сказал Тим, и больше они не спорили. Я это заметила, но не поняла.

Через три часа холл изменился. Под серым налётом оказалось красивое тёмное дерево, лепнина была не грязно-серой, а кремовой, в стёкла хлынуло больше света, а старый ковёр после выбивания показал глубокий винно-зелёный узор, которого я раньше не замечала. Я остановилась посреди холла и впервые увидела гостиницу — не развалину, не проклятый дом, а место, которое кто-то когда-то строил с любовью.

— Красиво, — очень тихо сказала Мира рядом.

На её лице было выражение, которого я раньше не видела: не радость, а узнавание, будто она смотрела на что-то давно потерянное.

— Ты помнишь её такой?

— Наверное, — сказала она, и лицо у неё закрылось.

На чистую стойку упала горсть пыли. Мы обе подняли головы: потолок был чистым. На перилах проступил серый налёт.

— Началось, — сказал Тим.

Я схватила тряпку и вытерла стойку. Пыль появилась снова. Я вытерла ещё раз. На только что вымытом окне просту-

пил мутный слой.

— Можешь злиться сколько угодно, — сказала я, протирая стекло. — Но я не собираюсь жить в грязи. И гости тоже.

Люстра мигнула. Я провела тряпкой ещё раз и подождала. Пыль не появилась. Мира подошла и провела пальцем по стеклу — чисто.

— Уступила, — сказал Тим.

— Временно, — сказал Дин.

Старые балки протяжно заскрипели, и звук напомнил мне человека, который крайне недоволен исходом спора, но понимает, что проиграл.

— Я тоже тебя люблю, — сказала я.

Наверху что-то тяжело упало.

— Это была фигура речи.

Игнат захохотал так, что звякнули подвески на люстре.

* * *

К вечеру у меня ныли ноги и спина, а остальные выглядели так, будто только встали. Близнецы таскали свёрнутый ковёр, Лея раскладывала полотенца, Леон с Аделью спорили, кто лучше отполировал латунные ручки.

— Вы вообще когда-нибудь устаёте?

— Постоянно, — сказал Тим.

— Душевно, — сказал Дин.

— Мы привыкли, — добавила Лея.

Я уже открыла рот, чтобы спросить, к чему именно, когда Мира уронила стопку белья. Не споткнулась — просто вы-

пустила из рук, и простыни рассыпались по полу. Все в холле замерли, даже дети. Я проследила за её взглядом.

Над дверью седьмого номера на галерее горела свеча. Не синяя, а золотая, тёплая, живая.

— Что это значит?

— Переход, — сказала Мира.

— Через седьмую? Но дверь же закрыта.

— Она и останется закрытой. Сейчас увидите.

Книга регистрации на стойке с глухим стуком раскрылась сама, страницы побежали и остановились на чистом развороте. Проступили имена.

Андрей Соколов. Ольга Соколова. Михаил Соколов. Софья Соколова.

Внутри у меня всё сжалось. Русские имена. Самые обычные. Мои.

Ниже появилось: **Происхождение: мир без активной магии.** И ещё строкой ниже: **Время: совпадает с Хозяйкой.**

Я перечитала дважды.

— Со мной.

— Похоже, — кивнула Мира.

Потом сами собой проступили номера: восьмая для Андрея и Ольги, девятая для Михаила и Софьи.

— Она всегда сама назначает комнаты?

— Всегда.

Бронзовый колокольчик звякнул один раз, потом второй.

Седьмая дверь не шелохнулась. Зато медленно открылась главная.

За ней не было ни сада, ни пустой улицы Морвеля, ни тумана. За ней была обычная российская осень: мокрый асфальт, зелёный крест аптеки, припаркованная машина, свет фонаря. Мой мир.

У меня перехватило дыхание, и на секунду я забыла и про персонал, и про свечи, и про эту гостиницу. Я бросилась к двери. Мира попыталась схватить меня за рукав, но я уже была почти у порога.

С той стороны появился мужчина с дорожной сумкой, за ним женщина, подросток и маленькая девочка в ярко-жёлтой куртке. Я шагнула им навстречу, и расстояние до порога почему-то не сократилось. Я пошла быстрее — два шага, три, — а дверь оставалась всё в тех же двух шагах. Семья меня не замечала.

— Вот же она, — сказал мужчина, оглядываясь.

— Ты уверен? — спросила женщина.

По-русски. На самом обычном русском языке. Я почти засмеялась.

— Да! Здесь!

Девочка в жёлтой куртке посмотрела прямо на меня, и дверь будто отпустила — не меня, а их. Они переступили порог, и в тот же миг расстояние исчезло. Я стояла совсем рядом с ними.

— Простите, — сказала женщина, оглядывая холл. —

Мы, кажется...

Она обернулась. Российской улицы больше не было. За открытой дверью лежал сад, а дальше, за калиткой, — пустая улица в тумане. Женщина побледнела. Мужчина медленно поставил сумку на пол. Мальчик достал телефон и уставился в экран. Девочка задрала голову к лестницам, галерее и свечам.

— Мам, тут очень красиво.

Никто ей не ответил. А я смотрела на этих четверых и думала только одно: они только что пришли из моего мира. Значит, дорога существует. Гостиница умеет её открывать — просто пока не открывает для меня. Вчерашняя теория у калитки вдруг перестала казаться отчаянной попыткой хоть что-то себе объяснить. Если дом может приводить людей отсюда, значит, рано или поздно он может отвести меня обратно. Нужно только понять, чего он ждёт.

Я выпрямилась и сделала то, что умела лучше всего: улыбнулась так, как улыбаются гостям, которым необходимо поверить, что ситуация под контролем. Хотя ситуация под контролем совершенно точно не была.

— Добрый вечер. Меня зовут Вера. Похоже, вы у нас первые гости за восемь месяцев.

Где-то глубоко в стенах гостиница тихо заскрипела, и на этот раз в этом звуке было что-то почти довольное.

Глава 4

Первые гости

Первые за восемь месяцев настоящие гости нашей гостиницы смотрели на две луны. Я смотрела на гостей. А гостиница, кажется, была очень довольна собой.

Андрей Соколов стоял у входной двери, держась за ручку, и уже в четвёртый раз открывал её с упорством человека, который всерьёз рассчитывает, что Вселенная устанет первой. За порогом каждый раз был один и тот же сад: мокрая дорожка, старые яблони, железная калитка. Для меня за калиткой лежала пустая улица в тумане, но Андрей смотрел туда иначе — так смотрят на что-то, что движется.

— Там кто-то идёт? — спросила я.

— Мужчина какой-то. И экипаж.

Я посмотрела туда же. Туман. Ещё один факт, который можно аккуратно положить в папку «потом». Сейчас у меня были четыре человека, которые несколько минут назад находились в моём мире, а теперь стояли посреди холла с выражением, знакомым любому администратору: именно так смотрит гость, которому достался совсем не тот номер, что он бронировал. Только у нас проблема была несколько масштабнее вида из окна.

— Хорошо, — сказал наконец Андрей, закрыв дверь в пя-

тый раз. — Либо мы все одновременно сошли с ума...

— Я не сошла, — сразу сообщила девочка в жёлтой куртке.

— Соня, подожди.

— Мам, тут реально две луны, — сказал от окна её старший брат.

— Я вижу, Миш.

Мальчик достал телефон, и это подействовало на меня сильнее, чем должно было. Обычный смартфон в чёрном чехле с трещиной в верхнем углу. Палец привычно провёл по экрану. Мой собственный исчез вместе с прошлым вечером, и мне вдруг захотелось выхватить аппарат у подростка, просто чтобы подержать в руках вещь из дома.

— Связи нет. Вообще.

— Здесь не будет, — сказала я, и все четверо повернулись ко мне.

— Откуда вы знаете?

— Потому что я тоже оттуда. Из вашего мира. Из Ростова.

— Москва, — машинально ответил Андрей.

Я никогда особенно не любила Москву и жаловалась на неё после каждой рабочей поездки, но сейчас могла бы обнять человека просто за то, что он назвал город, существующий в той же реальности, где ещё вчера жила я.

— Какой у вас сейчас год? И число?

Он назвал. Тот же год, тот же день. «Время: совпадает с Хозяйкой». Книга не соврала.

— Как вы сюда попали?

— Ехали домой, — сказала его жена, Ольга. — Соня захотела в туалет, а кафе рядом уже закрылось. Андрей увидел вывеску: «Гостиница. Свободные комнаты есть всегда».

Я посмотрела на входную дверь. Та же вывеска, те же слова. Значит, гостиница показывалась не только мне. Значит, она может появляться в моём мире снова, а значит... Нет. Позже. Сначала люди. Всегда сначала люди.

— Давайте снимем мокрые куртки, — сказала я. — Дети промокли. Обсуждать устройство Вселенной можно и в сухой одежде.

Ольга неожиданно кивнула:

— В этом есть смысл.

Нормальная женщина. Мне сразу стало легче.

— Мира, полотенца и что-нибудь сухое. И проверь восьмую и девятую.

Мира оказалась рядом раньше, чем я договорила. Шагов я опять не услышала.

— Уже готовы. Гостиница подготовила.

Сверху довольно скрипнула балка.

— Что значит «гостиница подготовила»? — спросил Андрей.

— Это будет отдельная часть экскурсии.

* * *

Через двадцать минут Соколовы сидели в столовой. Соня держала чашку обеими руками и оглядывалась с выра-

жением человека, которому происходящее нравится гораздо больше, чем взрослым. Михаил каждые полминуты проверял телефон. Андрей почти не притрагивался к чаю. Ольга разглядывала комнату, но её взгляд каждые несколько секунд возвращался к детям. Я знала этот взгляд. Не страх за себя, а страх человека, который внезапно понял, что не знает, как защитить ребёнка.

— Ещё раз, медленно, — сказал Андрей. — Мы вошли в гостиницу у себя. Переступили порог. Оказались здесь.

— Город называется Морвель. Мир не наш.

— Вы уверены?

Я кивнула на окно.

— Две луны обычно неплохой аргумент.

— А магия здесь есть? — спросил Михаил.

Я посмотрела на Миру, которая как раз ставила на стол хлеб. В стене коротко стукнула труба.

— Есть.

— Круто.

— Михаил! — хором сказали родители.

— А что? Мы уже здесь.

Соня наклонилась ко мне через стол:

— А единороги есть?

— Пока не встречала.

— Жалко.

Дети удивительно быстро принимают невозможное, если рядом есть взрослые, которые делают вид, что всё ещё кон-

тролируют ситуацию. Кажется, сейчас моя работа заключалась именно в этом.

— Вы давно здесь? — спросила Ольга.

— Второй день.

— И уже управляете гостиницей? — Андрей поднял глаза.

— Профессиональная деформация.

— А обратно?

Я ждала этого вопроса всё время и всё равно оказалась к нему не готова.

— Пока не могу. Переход существует, вы сами тому доказательство. Но я ещё не понимаю, по каким правилам гостиница его открывает.

— Нам ждать час? День? Неделю?

— Не знаю.

Соня перестала пить чай. Ольга положила ладонь ей на плечо.

— У детей школа. У нас работа. Родители...

— Андрей, — тихо сказала Ольга, и он провёл ладонями по лицу.

— Простите.

Я его понимала. Только у них было преимущество, о котором они не знали. Они пришли сюда гостями, и гостиница уже показала, что умеет открывать дорогу в их мир. Когда откроет снова, они уйдут. Моя граница проходила по калитке. Но и это не могло быть навсегда. Я держалась за эту

мысль слишком крепко и сама это понимала.

— Сейчас главное, что вы здесь, — сказала я. — Значит, до следующего перехода вам должно быть безопасно. Это моя задача. И гостиницы.

Наверху хлопнула дверь. Соня вздрогнула.

— Не пугай людей, — сказала я потолку.

Михаил уставился на меня.

— Вы разговариваете с домом? А он отвечает?

Кухонная дверь тут же хлопнула, и мальчик расплылся в улыбке.

— Круто.

— Не поощряй её.

* * *

Над восьмой и девятой комнатами горели золотые свечи — такого же цвета, как над седьмым номером перед появлением семьи. Восьмая была просторной: большая кровать, шкаф, стол, камин. Девятая меньше, с двумя отдельными кроватями, и на них лежали покрывала с маленькими вышитыми звёздами, которых я вчера совершенно точно не видела.

— Это детская? — спросила Ольга.

— Пять минут назад, вероятно, нет.

Она решила, что я шучу. Я не стала её разубеждать.

— Мы не будем селить детей отдельно, — сказал Андрей.

— И правильно. Можно поставить дополнительные кровати в восьмой...

В стене между комнатами что-то щёлкнуло. Мы замолчали и смотрели, как на обоях проступает тонкая линия, потом прямоугольник, потом латунная ручка. Через секунду в стене стояла обычная смежная дверь. Соня радостно ахнула и тут же пробежала туда и обратно.

— Офигеть, — сказал Михаил.

— Её здесь не было, — сказала Ольга.

— Не было. Я вчера считала комнаты.

— Зачем? — спросил Андрей.

— Потому что я управляющая.

Он рассмеялся — не нервно, а нормально, впервые с момента появления.

— Тогда нам, кажется, повезло.

Простая фраза, а внутри кольнуло. Роман на моём месте сказал бы «мы управляли», хотя ночью из-за трубы приезжала всегда я. Я убрала эту мысль подальше.

Ключ от восьмой снялся со связки нормально. Ключ от девятой держался на кольце так, будто его припаяли. Мира попробовала тоже — бесполезно.

— Можно я? — спросила Соня.

Ключ сам соскользнул ей в ладонь.

— Это было обязательно? — спросила я у потолка. Лампа над нами мигнула.

— Она мне дала ключ!

— Не привязывайся. Она капризная.

В конце коридора обиженно хлопнула дверь.

Только тогда я заметила Леона и Адель. Лея привела их помочь с бельём, и они стояли чуть поодаль и смотрели — не на ключ, а на Соню. Улыбались оба, но было в их лицах что-то, что я не сразу смогла назвать. Здесь давно не было детей, решила я.

— Познакомитесь?

Через пять минут четверо болтали так, словно знали друг друга неделю. Вот чему у детей стоило бы поучиться.

* * *

На стойке меня ждала следующая проблема: документы Соколовых, два телефона и кошелёк с рублями.

— О чём задумались? — спросил Андрей.

— Об оплате.

— Вы сейчас серьёзно? Мы только что попали в другой мир.

— Это не отменяет себестоимость проживания.

Ольга закрыла лицо рукой. Кажется, она смеялась.

— Вашими деньгами в Морвеле не заплатить, — сказала я. — А у гостиницы долги.

— Тогда запишите за нами, — сказал Андрей. — Рассчитаемся, когда найдём способ вернуться.

Я открыла книгу расходов и написала: «Соколовы, комнаты 8–9, оплата отложена». Потом спросила, сколько обычно стоит такой номер у нас, и мозг тут же принялся считать: две комнаты, завтрак, бельё, четверо, неизвестный срок. Совершенно бессмысленный расчёт, потому что курса рубля к

местным деньгам не существовало, но мне стало спокойнее.

— Вы правда сейчас считаете себестоимость? — спросила Ольга. — Зачем?

— Когда всё остальное ненормально, полезно делать что-то нормальное.

Она кивнула, и мне показалось, что она поняла.

* * *

К ужину гостиница зазвучала иначе. До Соколовых я слышала скрип половиц, хлопанье дверей, трубы и почти беззвучные шаги персонала. Теперь по холлу носился детский шум. Соня бегала за Адель, а Михаил с Леоном нашли старый деревянный волчок и устроили соревнование прямо у стойки.

— Мой дольше!

— Ты стол толкнул!

— Реванш!

Я вышла из-за стойки, где пыталась разобраться в местных счетах, и все четверо замерли.

— Они, — сразу показала Адель на мальчиков.

— Предательница, — прошептал Леон.

— Я честная.

— Это хуже.

— Перенесите к окну, — сказала я. — Только не у самого стекла. Разобьёте — будете отрабатывать. В гостинице двадцать три окна.

Леон мгновенно стал осторожнее.

Я уже собиралась вернуться к счетам, когда заметила Лею. Она стояла в дверях столовой и смотрела на детей. Раньше я видела её спокойной, заботливой, чуть печальной, а сейчас у неё было такое лицо, с каким иногда смотрят на фотографию человека, которого давно потеряли.

— Быстро подружились, — сказала я. — Леон всегда такой общительный?

— Когда-то был. — Она спохватилась слишком быстро. — Я хотела сказать, бывает.

Взгляд её снова ушёл к детям. Я запомнила.

* * *

За ужином странностей стало больше. Соколовы ели. Я ела. Игнат носил блюда, Мира ходила между кухней и столом, близнецы появлялись и исчезали, Гаррет стоял у входа. Лея сидела рядом с детьми, и перед ней не было тарелки.

— Лея, а вы не будете? — спросила Ольга. — Вы весь вечер на ногах. Садитесь.

Лея едва заметно посмотрела на Миру, и Мира так же едва заметно покачала головой.

— Спасибо. Я не голодна.

Перед Леоном стояла тарелка супа. Он болтал с Михаилом, держал ложку, и за несколько минут суп почти не убыл. Адель водила ложкой по краю тарелки. Может быть, они поели раньше. Может быть, им не понравилось. Может быть, я опять слишком внимательно смотрела. Но Мира сама говорила, что вместо жалованья персонал получает жильё и еду,

а я до сих пор ни разу не видела, чтобы кто-то из них ел.

— Что? — поймал мой взгляд Игнат.

— Профессиональное.

— Опасная привычка.

Из трубы над кухней раздался короткий стук.

— А ты вообще молчи, — сказал Игнат потолку.

— А интернет у вас есть? — спросил Михаил.

Рядом с ним тут же возник Тим.

— Что такое интернет?

С другой стороны появился Дин. Михаил вздохнул, как вздыхают подростки, объясняя очевидное пожилым родственникам.

— Ну... там вся информация.

— Вся? И люди используют её для науки?

— Иногда.

— А обычно?

— Смотрят котов.

Близнецы переглянулись.

— Разумная цивилизация.

— Безусловно.

Я рассмеялась и вдруг поймала себя на том, что мне хорошо. Не вообще — не настолько, чтобы забыть Романа и то, что я заперта в другом мире. Но в этой шумной столовой, где подросток объяснял двум подозрительно бодрым портье интернет, Игнат ворчал на трубы, а Соня пыталась выменять у брата кусок хлеба на свой будущий десерт, гостиница на

несколько минут перестала казаться ловушкой. Просто стала гостиницей.

Не привязывайся, сказала я себе. Когда всё закончится, нужно будет возвращаться.

* * *

После ужина я открыла книгу регистрации. Под именами Соколовых и номерами комнат появилась новая строка: **Статус: приняты домом.**

— Раньше она так писала? — спросила я Миру.

Мира долго смотрела на страницу.

— Писала «заселены». Такого — никогда.

— Может, понравились.

Мира посмотрела наверх, туда, где по галерее бегали дети.

— Возможно, — сказала она, и в голосе у неё снова было что-то странное.

Я закрыла книгу.

— Если она начнёт выбирать гостей по симпатии, у нас будут проблемы с бизнес-моделью.

В стене тихо скрипнуло.

— Я серьёзно.

* * *

Утром Соня не спустилась к завтраку. Сначала я этого даже не заметила. Андрей пил кофе, Михаил ел с аппетитом подростка, которому для насыщения нужна примерно половина продуктового склада, Леон и Адель сидели рядом. Сони не было.

— Спит, — сказала Ольга. — Ночью немного капризничала, насморк вроде ещё вчера начался. Устала, наверное. Адель перестала водить ложкой по тарелке. Совсем.

— Я к ней схожу, — сказала Лея. Она уже стояла.

— Пусть поспит. Ничего страшного.

— Я только посмотрю.

Слишком быстро. Ольга это тоже слышала.

— Лея, правда, всё нормально. Дети иногда простужаются.

На лестнице появился Михаил. Я даже не заметила, когда он ушёл из-за стола.

— Мам. Соня горячая. Лоб.

Лея побледнела — не посерьёзнела, а именно побелела, будто лицо разом потеряло цвет, — и бросилась к лестнице раньше Ольги. Адель медленно сползла со стула. Леон тоже встал, и оба смотрели вверх.

Во мне включился знакомый режим: проблема — решение.

— Термометр есть?

— Электронный, — сказала Ольга на ходу. — Вера, это просто температура.

— Скорее всего.

На третьей ступеньке Лея остановилась и вцепилась в перила обеими руками, будто слова «дети болеют» значили для неё совсем не то, что для нас. Я поднялась к ней.

— Лея.

Она посмотрела на меня, и в её глазах была не тревога, а ужас.

— Госпожа, нужен лекарь. Сейчас.

— Температура ещё даже...

— Пожалуйста.

Голос у неё сорвался.

Над девятой комнатой горело спокойное золотое пламя, живое и тёплое. Соня была живым ребёнком из моего мира, который, скорее всего, просто простудился. Это знала я, это знала её мать, это знал бы любой взрослый. Но Лея, Леон и Адель смотрели на закрытую дверь так, словно однажды уже стояли перед такой дверью и знали, чем всё закончится.

Глава 5

Болезнь, которая закончилась иначе

Лея стояла у двери девятой комнаты и смотрела на неё так, будто за деревом происходило нечто гораздо страшнее детской температуры. Она не металась и не заглядывала внутрь каждые десять секунд — просто стояла неподвижно, сжимая обеими руками передник, и от этой неподвижности мне было тревожнее, чем от любой суеты. Леон и Адель сидели на полу у стены и молчали, а это само по себе было ненормально: обычно эти двое не могли спокойно провести и пяти минут, Леон находил повод что-нибудь доказать, Адель — повод доказать, что он неправ, а потом оба каким-то образом втягивали в спор близнецов.

Я вошла последней. Соня лежала под одеялом, растрёпанная и красная после сна, Ольга сидела рядом с электронным термометром.

— Тридцать восемь и три.

— Голова болит? Горло? Тошнит? Дышать нормально? — спросила я по очереди, и Соня на последний вопрос посмотрела на меня с лёгким оскорблением:

— Да.

Прекрасно. Ребёнок, способный возмутиться количеством вопросов, обычно ещё достаточно жив.

— Вчера ещё носом шмыгала, — сказала Ольга, коснувшись её лба. — Наверное, подхватила в школе перед поездкой.

— Очень похоже. Температура не сорок, в сознании, дышит нормально. Сейчас вызовем врача.

— Сейчас? — удивилась Ольга. — Вера, если это обычный вирус...

— Пусть посмотрит.

— Но откуда здесь врач из нашего мира?

Хороший вопрос. Я посмотрела на золотую свечу над девятой комнатой, потом подумала о седьмой двери. Гостиница уже один раз открыла дорогу в наш мир — значит, теоретически могла сделать это снова. А если уж она зачем-то притащила меня сюда, могла хотя бы иногда быть полезной.

— Попробуем попросить.

— Гостиницу? — Андрей у окна повернулся ко мне с той обречённостью человека, который за сутки понял, что некоторые вопросы лучше задавать позже.

Лея внезапно сказала:

— Я пойду с вами.

— Останься с Соней.

— Нет.

Слишком резкое слово для неё. Она будто сама услышала себя и опустила глаза.

— Простите. Я... лучше пойду.

Ольга едва заметно кивнула, и мы вышли. Леон и Адель

поднялись одновременно.

— Останетесь здесь, — сказала я раньше, чем Леон успел открыть рот. — Это не обсуждается.

Он сжал губы. Адель молча взяла его за руку, и от этого простого движения по коже у меня пробежал холодок, которому я не нашла названия.

* * *

Дверь седьмой была закрыта, как всегда, и над ней горело слабое золотое пламя — после появления Соколовых свеча не погасла совсем, только стала меньше, почти прозрачной по краям.

— Мне нужен врач, — сказала я двери.

Ничего.

— Кому вы говорите? — спросила Мира.

— Всем заинтересованным сторонам. В гостинице заболел ребёнок из моего мира. Мне нужен человек оттуда, который умеет лечить детей. Желательно с медицинским образованием.

Свеча не изменилась, зато в стене недовольно скрипнуло дерево.

— Так нельзя вызвать человека, госпожа.

— Ты уверена?

Мира открыла рот и замолчала — вот именно, подумала я.

— У нас есть гость. Мы её приняли. Значит, отвечаем за безопасность.

На первом этаже хлопнула дверь, потом ещё одна. Лея

вздрагивала от каждого звука.

— Не спорь. Я серьёзно. Если ты умеешь открывать дорожку в мой мир — открой её врачу.

Несколько секунд ничего не происходило. Потом золотая свеча над седьмой погасла и почти сразу вспыхнула снова, гораздо ярче. Из холла донёсся звон колокольчика — раз, другой. Я побежала вниз первой.

Книга регистрации лежала раскрытой, и на странице появилась одна строка, без имени, номера и происхождения: «Посетитель». Главная дверь открылась сама, и за ней вместо сада и моей туманной улицы была лестничная площадка современного дома — серая плитка, домофон, почтовые ящики, реклама доставки суши на стене. У порога стоял боком мужчина лет сорока пяти в форме скорой помощи, с медицинской сумкой.

Он меня не видел. Пока находился с той стороны, для меня он был плоской картинкой чужого мира — так же, как вчера Соколовы до того, как переступили порог.

— Сорок восемь, двадцать один... — пробормотал он, глядя на номер квартиры, и сделал шаг.

В момент, когда он переступил границу, что-то в нём стало резче: не возник из воздуха, а просто перестал быть картинкой и оказался настоящим — влажные волосы у висков, тёмные круги под глазами, запах улицы и больницы. Он огляделся, обернулся — лестничной площадки за спиной уже не было, вместо неё открывался сад.

— Так, — сказал он и посмотрел на меня. — Адрес сорок восемь, квартира двадцать один?

— Нет.

— Я понял. Где пациент?

Удивительно спокойный человек. Я почти полюбила его в эту секунду.

— Второй этаж, девочка шесть лет, тридцать восемь и три, красное горло, небольшой насморк, сознание ясное, дышит нормально.

Он кивнул — профессионал узнаёт профессионала быстрее, чем хотелось бы.

— Ведите.

На лестнице он спросил, объяснят ли ему потом, где он находится, и не пожалеет ли он, что спросил. Я честно ответила «обязательно» и «скорее всего».

* * *

Сергей Павлович осматривал Соню настолько буднично, что на несколько минут Морвель для меня исчез. Стетоскоп, фонарик, термометр, вопросы Ольге: когда началось, был ли насморк раньше, контактировала ли с больными, есть ли аллергии и хронические болезни. Обычная, скучная, спасительная рутина.

Лея стояла в самом дальнем углу и следила за каждым его движением. Когда он послушал лёгкие, её пальцы сильнее сжали передник. Когда Соня кашлянула, Лея шагнула вперёд. Когда врач попросил девочку глубоко вдохнуть, она са-

ма, кажется, задержала дыхание.

— Лёгкие чистые, горло красноватое, — сказал наконец Сергей Павлович. — Пока обычная вирусная инфекция.

— Ничего серьёзного? — спросил Андрей.

— Сейчас — нет.

Слово «сейчас» оказалось ошибкой. Лея резко подняла голову.

— А потом?

— Простите?

— Потом может стать хуже?

— Теоретически любая инфекция может осложниться, но оснований ожидать этого сейчас нет.

Лицо у неё не изменилось, только глаза.

— А если температура поднимется? Если начнёт кашлять? Если болезнь опустится в лёгкие?

— Вы мать? — спросил Сергей Павлович, глядя на неё уже внимательнее.

— Нет.

— Тогда не накручивайте себя заранее.

Она будто не слышала.

— Воспаление лёгких можно лечить? Даже сильное?

— Во многих случаях — да, — спокойно ответил он.

Лея медленно кивнула. Я уже понимала: она спрашивает не о Соне. Только пока не знала, о ком.

Врач выписал рекомендации, достал лекарства из сумки и объяснил дозировку. Соня выпила сироп и скривилась:

— Противный.

— Значит, серьёзное лекарство, — сказал Сергей Павлович. — Вкусным нельзя доверять.

Соня засмеялась, даже Андрей улыбнулся. Лея — нет.

* * *

Провожать врача пошла я.

— Итак, — сказал он на лестнице, — я правильно понимаю: вошёл в обычный подъезд и оказался... — он посмотрел в окно на две луны, — где-то не там.

— Очень точная формулировка.

— И вы здесь живёте?

— Пока, — сказала я и сама услышала, как быстро вырвалось это слово.

— Хотите назад?

— Конечно. Просто не получается.

— Почему?

— Если выясните — скажите.

Он усмехнулся. В холле дверь была закрыта, свеча над седьмой всё ещё горела.

— Теперь как? — спросил он.

Я подошла к двери:

— Врач закончил работу. Его нужно вернуть.

Колокольчик тихо звякнул, дверь открылась — снова лестничная площадка.

— Мне просто выйти? — Сергей Павлович шагнул к порогу и вдруг остановился. — Если температура станет вы-

ше тридцати девяти и будет плохо снижаться, если появится одышка или выраженная вялость — вызывайте снова.

— Хорошо.

— Только я не уверен, что ваше «вызвать снова» входит в стандартные инструкции.

— Уже адаптируем.

Он хмыкнул и переступил порог. Я видела его ещё секунду: он обернулся, губы шевельнулись, но я не расслышала слов. Потом его силуэт стал частью чужого пространства и пропал из моего восприятия, хотя дверь ещё оставалась открытой. На площадке для меня уже никого не было — я знала, что он, возможно, всё ещё стоит там, но не видела его. Через секунду дверь закрылась сама, и я осталась одна в холле.

То же пространственное ограничение, сказала я себе. Гостиница пропускает тех, кто нужен ей внутри, а снаружи я пока существую для мира иначе. Пока. Опять это слово. Но если гостиница только что вызвала врача по моей просьбе, значит, она слышит и способна реагировать. Значит, у моего присутствия здесь и правда может быть причина — а если есть причина, есть и момент, когда работа будет закончена. После завершённой работы люди обычно уходят домой. Мысль была неприятно успокаивающей.

* * *

К обеду температура Сони снизилась, к трём часам она попросила есть, к четырём спорила с Михаилом из-за зарядки. Я сочла это лучшим медицинским показателем. Лея —

нет: она почти не отходила от девятой комнаты, приносила воду, потом чай, потом чистое полотенце, а через десять минут ещё одно.

— Зачем два?

— Первое может намокнуть. Если будет жарко.

— Иди отдохни, Лея.

— Я не устала.

Конечно. Никто из них никогда не уставал именно тогда, когда должен был. Я уже собиралась спросить прямо, но тут дверь девятой распахнулась, и Ольга попросила Лею посидеть с Соней, пока они с Андреем разберутся с делами из своего мира.

— Я посижу, — сказала Лея так быстро, что Ольга не успела договорить.

* * *

Через час я вошла без стука. Соня сидела на кровати с книжкой, Адель рассматривала рядом картинки, Михаил с Леоном строили что-то из деревянных деталей у окна. Обычная детская комната. Почти. Лея сидела возле кровати прямая и неподвижная, держала Соню за руку обеими руками, и по щекам у неё текли слёзы — тихо, без всхлипов.

— Вера! — обрадовалась Соня. — Мне скучно.

— Отличный симптом. — Я коснулась её лба. Нормальный. — Температуры нет.

— Совсем? — переспросила Лея. — Вы уверены?

— Хочешь термометр?

— Да.

— Я шутила.

— А я нет.

Соня хихикнула:

— Лея сегодня странная. Она всё время спрашивает, как я дышу.

— Реально спрашивает, — подтвердил Михаил, не отрываясь от башни.

— Ты думаешь, я умру? — спросила Соня у Леи, без всякого перехода, тем ровным детским тоном, каким спрашивают, будет ли завтра дождь.

Лицо у Леи стало белым.

— Соня!

— А что? Она всё время смотрит.

Я села на край кровати.

— Лея. Соня не умирает.

Она подняла глаза. Леон перестал строить башню, Адель тоже повернулась.

— У неё обычная инфекция. В моём мире дети болеют постоянно — насморк, кашель, температура, а потом выздоравливают и снова доводят взрослых до нервного срыва.

— Я уже могу, — заявила Соня.

— Подтверждаю.

Она улыбнулась. Лея — нет.

— Болезнь не может пройти так быстро, — сказала она.
— За один день.

— Температура может снизиться за несколько часов.

— А потом вернуться?

Я поняла, что снова не про Соню.

— Иногда возвращается вечером. Это не означает ничего страшного. Слушай меня: даже если ей снова станет хуже, мы вызовем врача.

— А если начнётся воспаление лёгких?

— Будем лечить. Есть лекарства, больницы, аппараты для дыхания, антибиотики, если инфекция бактериальная.

Её губы дрогнули. Адель опустила взгляд, Леон уставился в окно.

— А если человек долго пробыл в холодной воде? — спросила Лея.

Вот оно.

— Зависит от того, насколько долго. Его согрели бы, проверили сердце, дыхание, наблюдали за лёгкими. Если начинается инфекция — лечили.

— И он мог бы выжить?

Вопрос прозвучал так тихо, что чуть не потерялся в шорохе страниц.

— Да.

Одно слово — а что-то произошло сразу со всеми тремя. Лея закрыла глаза, Леон резко отвернулся, Адель сжала край одеяла. У меня похолодело между лопатками. Соня ничего не заметила: протянула руку и вытерла слезу со щеки Леи.

— Я же не умерла.

У Леи вырвался странный звук — наполовину смех, наполовину всхлип.

— Нет. Всё хорошо, — сказала она, глядя на девочку, и по её лицу я видела: ничего хорошего в том, что она сейчас слышала, не было. Просто впервые она узнала, что когда-то всё могло закончиться иначе.

* * *

Я осталась, но уже не ради Сони, а чтобы понаблюдать за Леей. Дети снова разговаривали, башня Михаила рухнула, Адель рассмеялась, Соня потребовала новую книжку — комната наполнилась обычным шумом. А гостиница затихла. Совсем: ни хлопнувшей двери, ни скрипа, ни стука труб. Я заметила это не сразу — дом словно тоже слушал.

Лея подняла взгляд к потолку.

— Она помнит.

— Кто?

Она сразу закрылась.

— Ничего. Гостиница.

— Что она помнит?

— Мне нужно проверить бельё, — сказала Лея и встала.

Я поймала её за запястье. Холод — неприятный, не прохладный, такой же, как ладонь Гаррета. Она мгновенно посмотрела на мою руку, и я отпустила.

— Что произошло? Вчера ты испугалась температуры сильнее, чем мать Сони. Сегодня спрашиваешь про холодную воду и воспаление лёгких. Леон и Адель реагируют вме-

сте с тобой.

Её лицо стало неподвижным.

— Не сегодня.

— Почему?

Она посмотрела на Соню, которая как раз спорила с братом и была слишком занята собственной жизнью, чтобы замечать нас.

— Потому что сегодня всё закончилось хорошо. Пусть хотя бы один раз так и останется.

И вышла. Я её не остановила.

* * *

Вечером Соня сама пришла к ужину, выторговав у Ольги двенадцать минут вместо десяти. В гостиной было тепло, Игнат сварил суп, Андрей втянул Рейнара, приехавшего проверить состояние перехода, в объяснение двигателя внутреннего сгорания, и через пять минут инспектор выглядел так, будто искренне пожалел, что задал вопрос. Михаил объяснял близнецам интернет.

Лея стояла у стены и смотрела на Соню — живую, громкую, возмущённую количеством моркови в тарелке. Леон и Адель сидели рядом и снова почти не ели. Теперь я смотрела специально: Адель медленно возила ложкой по супу, Леон дважды подносил ложку ко рту и оба раза начинал говорить раньше, чем успевал донести. Может быть, случайность. Мира тоже не ела, близнецы вообще не садились, Игнат по обыкновению «пробовал во время готовки», Гаррет

пришёл с наступлением темноты и сразу встал у входа. Кроме меня и Соколовых, за столом по-настоящему ел только один человек — никто из моих сотрудников.

Рейнар в этот момент слушал Андрея и, кажется, ничего странного не замечал. Или давно привык.

Соня чихнула. Лея вздрогнула всем телом.

— Всё хорошо, — сказала она, поймав мой взгляд, и после долгой паузы впервые за весь вечер повернулась к Соне спиной.

Маленькое движение. Но я решила, что оно важно.

* * *

Позже я слышала голоса у лестницы. Леон и Адель сидели на ступеньках, Лея стояла перед ними. Я остановилась за углом — не подслушивать, просто слышала своё имя.

— Вера сказала, она поправится, — сказала Адель. — И поправилась.

— У нас бы тоже получилось? — спросил Леон после паузы. — Если бы тогда были такие лекарства.

— Не надо, — сказала Лея.

— Я просто спросил.

— Не надо.

В её голосе было столько боли, что мальчик сразу замолчал.

— Я рада, что Соня не умрёт, — тихо сказала Адель.

Лея опустилась перед ней, обняла, потом протянула руку Леону. Он сначала не двигался, потом тоже прижался. Все

трое молчали.

Я отступила, но не успела дойти до своей двери — за спиной раздалось резкое, обращённое к пустому коридору:
— Не смей. Оставь нас в покое.

Лампа мигнула дважды. Гостиница. Я обернулась: Лея стояла одна у лестницы и смотрела на стену.

— Это не твоё дело, — сказала она, и где-то глубоко в доме прошёл тихий звук — не скрип, а длинный вздох.

Лея развернулась и ушла, а я осталась стоять, впервые серьёз задумавшись не о том, почему гостиница держит меня, а о том, почему люди, которые здесь живут, разговаривают с ней так, будто ненавидят её за что-то очень конкретное.

* * *

Перед сном я заглянула к Соне — та уже спала, без температуры. Ольга сидела у окна с ноутбуком.

— Спасибо вам, — сказала она.

— За что?

— За ощущение, что кто-то понимает, что делать.

Опасное заблуждение, но я не стала её разубеждать.

— Я просто хорошо изображаю. Пока считаю гостиницу плохо воспитанной, — добавила я, и из коридора тут же хлопнула дверь. Ольга вздрогнула, потом рассмеялась. Я тоже.

Над девятой комнатой горела спокойная золотая свеча. Дальше по коридору над моей дверью оставалось синее пламя. Золотое — живые, синее — связано со смертью, как го-

ворил Рейнар. Логично: в девятой спала живая Соня, в первой находился старый след Агаты.

Я уже потянулась к ручке, когда пламя дрогнуло и на мгновение разделилось: один синий язычок остался у стены, второй вытянулся ко мне. Я замерла, моргнула — огонь снова стал единым.

— Недосып, — сказала я вслух, и из трубы за стеной раздался один короткий удар.

— Николас? Ты со мной не согласен?

Пауза. Два удара. Я не знала, что означает два, и решила, что содержательного разговора сегодня уже не получится.

Синий свет скользнул по руке, когда я открывала дверь, но холода я не почувствовала. Вошла, легла и ещё какое-то время смотрела на тонкую полоску пламени под дверью. По коридору тихо прошли шаги, остановились у моей двери — я ждала стука, но его не было, и через несколько секунд шаги ушли.

А утром на маленьком столике возле кровати лежала старая тетрадь, которой вечером точно не было.

Глава 6

Люди, которых нет в книгах

Утром я первым делом посмотрела на тетрадь. Она по-прежнему лежала на столике у кровати, хотя вечером там были только кувшин с водой, гребень и моя красная помада. Я могла бы списать её появление на Миру, но Мира стучала даже с полотенцем в руках, а после вчерашнего разговора с Леей у меня появилось ощущение, что сотрудники стараются заходить в первую комнату как можно реже.

Тетрадь оказалась старой, в тёмном кожаном переплёте, без замка и магических символов — просто вытертая на углах кожа и потемневшие от времени страницы. На первой стояло мелким ровным почерком: «Агата Морвейн». Я подняла взгляд на портрет, но женщина в раме продолжала смотреть на меня так, как опытные управляющие смотрят на человека, предложившего поставить свечи рядом с пожарной сигнализацией «для атмосферы».

Никаких страшных откровений внутри не оказалось. Агата жаловалась на цену муки, потом на протекающую крышу, потом на постояльца, который разбил таз и отказался платить, потому что «таз был недостаточно крепким». Я перечитала это дважды и рассмеялась. Дальше она ругала поставщика дров за сырые поленья и записывала, что нужно сме-

нить ткань на шторах первого номера, потому что солнце выжгло цвет у окна.

Я посмотрела на свои винные шторы.

— Так вот сколько вам лет.

Странно, но после всего, что случилось за последние дни, именно эта бытовая тетрадь подействовала на меня сильнее любой магии. Агата перестала быть портретом и легендарной «первой Хозяйкой» — она однажды стояла на кухне и считала мешки муки, ругалась из-за крыши, переживала, что гости замёрзнут. Была человеком.

Внизу хлопнула дверь, кто-то закричал: «Дин, верни!» — «Я Тим!» — «Тем более!» Я убрала дневник в ящик туалетного столика.

— Вечером, — сказала я портрету. — Если не исчезнешь.

Из стены донёсся тихий скрип. Я решила считать это предупреждением.

* * *

На первом этаже меня ждала ещё одна новая дверь — вчера на её месте была кладовая, я сама открывала её и видела там коробку свечей, старые журналы, три сломанные метлы. Сегодня на двери висела латунная табличка: «Кабинет хозяйки».

— Этого вчера не было, — сказала я подошедшей Мире.

— Знаю. Здесь была кладовая.

За дверью вместо кладовой оказалась небольшая светлая комната с окном в сад: письменный стол, два кресла, шкаф

для бумаг, пустая доска на стене, маленькая печь в углу и стопка чистой бумаги. Столешница была без единой пылинки.

— Ну надо же, — сказала я, входя. Мира осталась на пороге. Один из ящиков стола вдруг выдвинулся сам, и внутри лежали чернила, перья, линейка и счётная машинка с костяшками.

— Кажется, мы нашли способ договариваться, — сказала я, глядя на потолок. Дверь за спиной мягко прикрылась, не хлопнув.

— Не хвалите её слишком часто, — сказала Мира. — Начнёт требовать внимания.

Я посмотрела на неё, ожидая, что она пошутила. Она не шутила. Это было хуже.

* * *

Через час на доске появились четыре колонки: «Гости», «Деньги», «Ремонт», «Вопросы». В последнюю я записала подряд: почему Хозяйка не может выйти за границу сада; почему первая комната даёт синий огонь; почему комната №2 холодная; что такое №7. Постояла с мелом и добавила: «Почему сотрудники не едят?» — зачеркнула вопросительный знак, вернула обратно. Пока вопрос, без выводов.

В дверь заглянул Тим, следом за плечом появился Дин.

— У вас кабинет? — Оба вошли и принялись осматриваться с таким интересом, будто комната принадлежала им. — Нам она такого не делала. Несправедливо.

— Жалуйтесь руководству, — сказала я, и оба одновременно посмотрели на потолок. — Нет. Раз пришли — вопрос.

— Нет, — сказал Тим.

— Я ещё не спросила.

— Всё равно нет, — сообщил Дин.

— Когда вы начали здесь работать?

Оба замолчали и переглянулись.

— Давно, — сказал наконец Тим.

Я отложила мел.

— Вот это слово я скоро запрещу. Здесь оно заменяет половину календаря. Год? Пять? Десять?

Один заинтересовался полкой, второй — окном.

— Сколько вам лет?

— Двадцать семь, — хором ответили оба.

— Обоим?

— Мы близнецы, — сказал Тим с искренним удивлением.

— Это я заметила.

— Тогда логично.

— А работать начали когда?

— Молодыми.

Я закрыла глаза.

— Вам и сейчас двадцать семь.

— Очень приятно, что вы заметили. К Мире сходите, — сказал Тим уже в дверях. — Она здесь дольше всех.

— Почти, — добавил Дин, и оба исчезли раньше, чем я

успела спросить, кого именно «почти». На доске появилась новая строка: «Возраст сотрудников?»

* * *

К полудню пришёл Рейнар. Я нашла его у седьмой двери с маленьким кристаллом в оправе — он был так сосредоточен, что я выдержала целых десять секунд, прежде чем начать мешать.

— Доброе утро.

— Уже полдень.

— У меня другие часовые пояса.

— У вас вообще пока нет часового пояса.

— Очень поддержали, — сказала я, пока он убирал прибор.

— Как Соколова? — спросил Рейнар.

— Практически здорова. Врач вернулся.

— Хорошо.

— Вопрос, — сказала я, прислонившись к стене.

— У вас они когда-нибудь заканчиваются?

— Надеюсь, нет. Мира давно работает здесь?

— Что значит «давно»? — спросил он, и я улыбнулась: наконец-то кто-то понимает проблему.

— Я знаю её много лет, — сказал Рейнар после паузы. — Пятнадцать. С первого осмотра гостиницы.

— И тогда она уже была старшей горничной?

— Да.

— На сколько она выглядит сейчас?

— Двадцать пять. Может, двадцать восемь.

— А пятнадцать лет назад?

Пауза. Он нахмурился, и я увидела момент, когда вопрос дошёл до него целиком.

— Примерно так же.

— Вот.

— В гостинице нестабильна временная магия, — сказал он.

— Очень удобное объяснение.

— Зато существующее.

— Тим и Дин тоже пятнадцать лет?

— Я не составлял возрастные таблицы портье, — ответил он. — Но если бы они постарели на пятнадцать лет, я бы, вероятно, заметил.

— Я проверял пространственные нарушения, а не возраст работников, — добавил он. — Индивидуальные следы здесь сливаются с фоном здания. Это не оправдание. Просто такого вопроса я раньше не ставил.

— Гаррет? Лея? Игнат?

— Тоже. Что именно вы пытаетесь доказать?

— Пока ничего.

— Опасная фраза.

— Я знаю.

Он помолчал, разглядывая меня.

— Что ещё заметили?

Я могла бы промолчать — ещё позавчера так бы и сделала.

— Они не едят. Персонал. Я ни разу не видела нормально. Мира уже соврала мне про завтрак. Леон и Адель делают вид. Игнат говорит, что пробует еду во время готовки, но я этого не видела ни разу. Гаррет после ночной смены выглядит бодрее, чем я после восьми часов сна, которых, правда, не было лет пять.

— Это пока наблюдения.

— Именно.

— И что говорит ваша теория?

— Пока ничего.

Он слегка улыбнулся:

— Учитесь.

— Я всегда умела. Просто не всегда хотела.

Мы спустились вниз, и у двери кабинета он остановился:

— Этого помещения не было.

— Вчера была кладовая.

— Когда я впервые пришёл сюда, здесь была стена, — сказал он, и мы оба несколько секунд смотрели на комнату. Вчера кладовая, пятнадцать лет назад стена, сегодня кабинет.

— А завтра?

— Зависит от вашего поведения, — сказал он, и я не сразу поняла, шутка это или нет.

* * *

Я показала ему доску. Его взгляд сразу остановился на строке «Почему сотрудники не едят?».

— Вы серьёзно это записали?

— Если мысль записана, она перестаёт бегать по голове.

— Не всегда преимущество.

— Ещё никто не жаловался.

— Ваш муж? — спросил он, и по моему лицу тут же понял, что сказал лишнее. — Простите.

— Не надо, — сказала я и кивнула на другую строчку.

— Холодная комната №2. Мира говорит, отопление работает везде, кроме неё. Николас может починить, но не делает.

— И Мира связана с этим?

— Откуда вы...

— Вы написали два вопроса рядом, — пожал он плечами, и я невольно улыбнулась.

— Вы не совсем бесполезны.

— Рад, что статус повышается. — Он показал на первую строку. — Граница сада пока не изменилась?

— Нет. Улица по-прежнему пустая.

— Для меня утром была обычной.

— Иногда мне кажется, что вы говорите это специально.

— Могу описывать прохожих каждый раз, если станет легче.

— Не станет.

Он подошёл к окну кабинета. За стеклом лежал сад, дальше калитка, а за ней для меня всё тот же туман.

— Я всё ещё думаю, что дело в незавершённой связи, — сказал он наконец. — Между вами и гостиницей.

— То есть она ждёт, пока я что-то сделаю.

— Я сказал «связь». Не «задание».

— Но если связь не завершена, значит, есть условие завершения. У любой системы есть условие.

— Вы всё превращаете в рабочий процесс?

— Только то, что хочу закончить.

— А если это нельзя закончить?

— Тогда плохо составлен процесс, — сказала я не задумываясь, и уголок его рта дрогнул.

— Представляю, как гостиница вас ненавидит.

В стене тут же что-то стукнуло.

— Она вас слышала.

— Именно это я и имел в виду.

* * *

После ухода Рейнара я решила перестать задавать вопросы людям — бумаги обычно лгут хуже. Если гостиница существует так долго, а персонал работает здесь годами, должны остаться хоть какие-то записи: выплаты, закупки, договоры, городские сборы. Я перебрала современную бухгалтерию — продукты, дрова, ремонт, свечи, мука, ткань, мыло, налоги. Ничего похожего на зарплату.

— Где документы на сотрудников? — спросила я Миру, когда та появилась. — Договоры? Ведомости? Список работников?

— Нет. Зачем? — на каждый вопрос отвечала она.

— Представим, что завтра приходит налоговая. Очень злые люди с бумагами. Спрашивают, сколько человек рабо-

тает в гостинице.

— Сколько сейчас.

— Где это записано?

— Нигде.

— Отлично. Кто вас нанял?

Мира замерла — совсем немного, но я уже училась это замечать.

— Хозяйка. Прежняя. Это было давно.

Я глубоко вдохнула.

— Хорошо. Иди.

Она подняла глаза, будто ждала продолжения, и, не дождавшись, ушла. Мне не понравилось, с каким явным облегчением.

* * *

Архив я нашла на четвёртый раз, после того как трижды оказалась не в том коридоре и один раз открыла дверь кабинета, а за ней почему-то была прачечная.

— Послушай, — сказала я пустому коридору. — Мне нужны старые документы. Если хочешь, чтобы я управляла этим местом, мне нужно понимать, кто здесь работает.

В стене щёлкнуло, рядом появилась узкая дверца и почти сразу начала закрываться. Я успела вставить ногу.

— Нет.

За дверцей был маленький архив: полки от пола до потолка, книги, папки, связки бумаг и очень много пыли. Сверху тут же упало ещё немного.

— Я ничего не сказала.

Я просидела там несколько часов. Расходы, поставщики, ремонт, гостевые записи — всё было на месте, но персонал нигде не назывался по имени. «Подготовлено восемь комнат» — кем? Не указано. «Ужин для постояльцев» — кто готовил? Не указано. «Устранена неисправность северного отопления» — ни подписи, ни имени. То же самое пять лет назад, десять, пятнадцать. В журнале посетителей за тот период нашлась запись об осмотре здания. Рейнар Вельт, помощник инспектора; фамилия и подпись читались отчётливо. Значит, документы настоящие. Гостиница работала, кто-то встречал гостей, заправлял постели, готовил, чинил трубы — но работники словно не существовали отдельно от дома.

В самых старых бумагах язык менялся, даты приходилось сверять с местным календарём, почерк местами было не разобрать, но принцип оставался тот же: дом работал, а персонал был безымянным. В одном списке расходов значилось «питание постояльцев» и отдельной строкой «содержание дома» — и всё. Ни еды для работников, ни выплат, ни личных расходов.

Холод прошёл по спине — пока не от страха, скорее от ощущения, что я смотрю на задачу, из которой кто-то нарочно убрал половину исходных данных.

— Вы существуете только внутри гостиницы, — пробормотала я и сама поняла, что это неточно. Люди существовали, я их видела и трогала: Гаррет жал мне руку, Лея плакала,

ла, Игнат готовил, близнецы раздражали. Вопрос был не в существовании, а в том, почему за пределами гостиницы от них почти не оставалось следов.

Я взяла чистый лист и написала: «Персонал», а ниже — девять имён: Мира, Николас, Игнат, Тим, Дин, Лея, Леон, Адель, Гаррет. Девять человек, которые здесь жили, работали, спали — или якобы спали, — ели — или якобы ели, — но на бумаге принадлежали дому примерно так же, как мебель, дрова и постельное бельё.

Дверь архива хлопнула. Я подняла голову — никого. Попробовала открыть: за дверью была стена.

— Нет, — сказала я, закрыла дверь и открыла снова. Стена. — Даже не думай.

Книги на полках тихо зашелестели без ветра.

— Я ничего не нашла, — соврала я, и гостиница, кажется, прекрасно это знала: свет мигнул. — Хорошо. Тогда продолжим завтра.

За дверью снова появился коридор. Я вышла, сложила лист вчетверо, убрала в карман, и когда обернулась через несколько шагов, дверцы уже не было — только старые обои.

* * *

Вечером я устроилась в первой комнате с дневником Агаты, снова открыв его там, где остановилась утром. Постояльцы, новый ковёр, протекающее северное окно, кошки, уронившие ночью миску. «Кот опять стащил с кухни рыбу. Кошечка сделала вид, что не имеет отношения, хотя хвост тор-

чал из корзины». Я улыбнулась — очень оригинальные имена. Дальше была запись о заболевшем госте, возле которого Агата сидела ночью, потому что больше было некому, а на следующей странице — жалоба, что утром пришлось самой стирать бельё.

Чем дальше я читала, тем меньше понимала, почему сотрудники говорили о первой Хозяйке с таким напряжением. Эта женщина не походила на чудовище — хотя, конечно, дневники редко содержат запись «сегодня решила стать чудовищем».

Я закрыла книгу. За дверью горела синяя свеча, на доске внизу оставалось девять имён, а в голове теперь было два вопроса. Почему городская гостиница годами работала без единого официального сотрудника? И почему сами сотрудники вели себя так, будто ответ им прекрасно известен, но они скорее позволят дому переставить половину комнат, чем объяснят его мне?

Я легла, погасила лампу. В темноте тихо стукнуло в трубу — один раз.

— Не спишь? — спросила я, и труба ответила ещё одним ударом. — Удобно. Ты здесь давно?

Тишина. Никакого ответа.

— Конечно.

Я закрыла глаза. Через несколько секунд труба стукнула снова — три раза, медленно, не так, как обычно.

— Что это значит? — Я открыла глаза, прислушалась. Из

глубины стены донёлся едва слышный металлический скрежет и стих.

Я долго смотрела в темноту. И впервые подумала не о том, что гостиница скрывает от меня, а о том, что, возможно, она скрывает кого-то. Это оказалось гораздо неприятнее.

Глава 7

Проверка на живых

Утром моего кабинета не было. Я поняла это не сразу: спустилась по левому пролёту, поправила съехавший край ковра в холле, дошла до знакомой двери за стойкой и только тогда заметила, что латунная табличка исчезла. Внутри вместо стола и доски снова были три сломанные метлы, коробка старых свечей, корзина без ручки и запах сырости. Одна метла, видимо решив окончательно прояснить позицию гостиницы, медленно съехала по стене и упала мне под ноги.

— Доброе утро, — сказала я потолку. — Очень взрослая реакция. Верни кабинет. Мне нужны документы. И доска.

С правой лестницы донёсся протяжный скрип, а над стойкой качнулся один из ключей — не упал, просто качнулся. Я выдохнула. Последние дни научили меня одной неприятной вещи: с гостиницей можно было договориться, но нельзя было заставить её признать, что договор вообще существовал.

— Хорошо. Позже.

Я вернула метлу на место и, закрывая дверь, заметила Миру за стойкой — она слишком старательно делала вид, что занята книгой регистрации.

— Ты знала, что кабинет исчезнет?

— Нет. — Она подняла глаза. — Но не удивилась.

— Насколько давно ты здесь живёшь? — спросила я, положив перед ней сложенный лист с девятью именами. — Я нашла документы за пятнадцать лет. Потом за двадцать. Потом ещё старше. Гостиница работала: кто-то готовил, менял бельё, встречал гостей, чинил отопление. А людей в бумагах почти нет.

Мира побледнела — совсем немного, но я уже научилась это замечать.

— Старые документы часто ведут плохо.

— Настолько плохо, что забывают весь персонал?

— Здесь всё было иначе. Просто иначе, — повторила она, сжав губы, когда я попробовала спросить как.

По галерее прошёл кто-то из близнецов, увидел нас и развернулся.

— Даже не думай! — крикнула я, и через несколько секунд оба спустились синхронно, каждый по своему пролёту — один слева, второй справа, одинаковые шаги, одинаковые лица. Именно сейчас эта симметрия раздражала меня особенно сильно.

— Фамилии, — сказала я, показывая на лист.

— Чьи? — спросил Тим.

— Ваши.

— У нас есть, — сказал Дин, взглянув на брата.

— Великолепно. Какие?

Молчание.

— Не знаете?

— Знаем.

— Тогда?

Тим открыл рот и закрыл. Дин оперся ладонями о стойку:

— Это важно?

— Теперь да. Потому что я не могу найти вас ни в одной нормальной записи.

Близнецы перестали улыбаться — мгновенно, и это оказалось настолько непривычным, что у меня по спине пробежал холодок.

— Мы здесь, — сказал Тим.

— Я вижу.

— Значит, существуем.

— Это пока единственное, в чём я уверена.

Дин быстро посмотрел на Миру, и та едва заметно качнула головой. Они замолчали — не случайно, а сговорившись заранее не отвечать.

— Хорошо, — сказала я, убирая лист в карман. — Просто теперь попробуем иначе.

На втором этаже с грохотом захлопнулась дверь.

— Похоже, идея уже кому-то не нравится, — сказала я, и все четверо подняли головы к потолку.

* * *

За завтраком я откровенно наблюдала. Игнат ставил передо мной кашу, хлеб и чай; Соколовым — то же самое; Соня, здоровая и звонкая, спорила с Адель, кто первым будет крутить деревянный волчок. Персонал, как всегда, существовал

вокруг еды, но не вместе с ней: Мира разливала чай, Игнат стоял у плиты, близнецы у окна, Лея заплетала Адель прядь, Леон рисовал пальцем на запотевшем стекле. Гаррет после ночной смены выглядел так, будто только что вернулся из отпуска.

— Спал? — спросила я.

— Да. У себя. Достаточно.

— Вы все проходили один и тот же курс ответов?

— Вы сегодня опять расследуете завтрак? — спросил Игнат.

— Я расследую вас.

— Как в детективе? — оживилась Соня. — А кто преступник?

— Пока никто, — сказала я, и Тим тихо пробормотал: «Обнадёживает».

Внутри у меня уже складывалась схема. Они не старели — по крайней мере, Рейнар этого не заметил. Не уставали, как нормальные люди. Не ели при мне. Почти не существовали в бумагах. Николас вообще не показывался. И все они боялись вопросов о прошлом сильнее, чем магического инспектора.

Самым простым объяснением была магия, а не смерть. К этой мысли я пока не была готова — слишком многое не сходилось. Я касалась этих людей. Они были материальны, разговаривали, работали, а Рейнар знал их годами и никогда не называл призраками. Значит, была другая причина: привязка, старое проклятие, что-то в самом доме. А проверить это

можно было через единственную систему гостиницы, которая пока вела себя достаточно последовательно.

Свечи.

* * *

После завтрака я нашла Лею в прачечной и взялась складывать бельё вместе с ней, не спрашивая разрешения.

— Вчера ты сказала, что гостиница помнит.

Её руки замерли.

— Я была расстроена.

— Это не ответ. Что она помнит?

— Многое. Людей.

Слово прозвучало иначе, чем я ожидала.

— Гостей?

— И их.

— А тебя? Леона, Адель?

Она разгладила уже ровную складку.

— Мы тоже здесь живём.

— Давно?

— Не спрашивайте. Некоторые ответы ничего не меняют.

А некоторые делают хуже.

Это было честно, и я не стала давить дальше.

— Леон и Адель — твои дети?

— Нет, — быстро ответила она.

— Родственники?

— Нет.

— Тогда почему они с тобой?

— Так получилось. Родители далеко.

Я вспомнила, что Адель уже употребляла это слово.

— Насколько далеко?

Лея отвернулась к окну и не ответила, и я решила отступить.

— Хорошо. Пока.

Она посмотрела на меня с чем-то похожим на настоящую, очень маленькую улыбку.

— Вы невозможная.

Когда я взялась за следующую простыню, наши пальцы соприкоснулись — холод, точно такой же, как накануне. Лея мгновенно отдёргнула руку.

— Ты всегда такая холодная? Здесь тепло.

— Здесь прохладно, — сказала она, и по её лицу было видно, что она понимает, как это звучит, но промолчит.

Ещё одна улика без ответа.

* * *

К полудню кабинет вернулся — стол, доска, бумаги, даже мел лежал там, где я его оставила, а вчерашние вопросы на доске остались нетронутыми. Я добавила новый: «Свеча показывает комнату или человека?» — и попросила Миру передать Рейнару, чтобы приехал.

— Вы меня вызвали, — сказал он через два часа.

— Не привыкайте.

— Уже поздно. — Он прочитал вопрос на доске. — На что нужен ответ?

— Цвет свечи относится к помещению или к постояльцу?

— К постояльцу, — сказал он слишком легко.

— Уверены?

— Насколько вообще можно быть уверенным в этой гостинице. Старые комнаты могут сохранять сильный фон — поэтому первая исключение. Обычно же цвет держится за человеком: живой даёт золото, дух — синий.

Удобное объяснение синей свечи над моей дверью. Агата.

— Что вы задумали? — спросил Рейнар, глядя на меня внимательнее.

— Проверку. Если человека, который здесь работает, временно поселить в обычный гостевой номер, свеча должна показать его настоящее состояние.

— Теоретически.

— Практически?

— Тоже.

— Вы подозреваете персонал в чём? — спросил он после паузы.

— Не знаю. Возможно, они связаны с гостиницей какой-то магией. Возможно, поэтому не стареют. Возможно, поэтому их нет в документах.

— Вы решили проверить это через свечи.

— Я решила проверить хоть что-нибудь через систему, которая пока ведёт себя последовательно.

Он медленно кивнул:

— Разумно.

— Запишите дату, — улыбнулась я.

— Не переоценивайте момент.

— Поздно.

* * *

Оставалась одна проблема: сказать сотрудникам «переселитесь в гостевую комнату, я хочу проверить, что вы такое» — добровольцев бы не нашлось. Нужен был нормальный повод, и вечером я его придумала, стоя в служебном крыле — узком коридоре с копотью на светильниках, трещинами в стенах и окнами, которые плохо закрывались. Последний ремонт здесь, кажется, планировали ещё при первой Хозяйке.

— Идеально.

Тим выглянул из двери:

— Что?

— Ремонт. Завтра генеральная уборка служебного крыла, потом стены, светильники, окна.

— Почему? — Дин появился из соседней комнаты. — Нам нравится.

— Именно поэтому решения принимаю я. Где будем жить, спросите? Свободных комнат полно.

Оба перестали улыбаться разом, и я почувствовала знакомое напряжение.

— Что? — спросила я.

— Ничего.

Они исчезли одновременно, за закрытыми дверями. Интересно.

Ночью в первой комнате я записала в блокнот план: ремонт служебного крыла, по одному переселить работников в гостевые номера, проверить свечи. Ниже добавила отдельно: «Не делать выводов заранее» — последние дни слишком легко превращали любую странность в готовую теорию.

Синий огонь под дверью дрогнул, когда я закрыла блокнот.

— И тебя потом проверим, — сказала я, и пламя стало ярче.

В гостинице хлопнула дверь. Потом вторая. Третья. Четвёртая. По обеим сторонам холла тяжело закрипели лестницы, будто кто-то одновременно поднимался по обеим. Я села в кровати.

— Значит, идея хорошая, — сказала я, и последняя дверь хлопнула так сильно, что дрогнуло стекло.

Тишина. Я улыбнулась — не потому, что было смешно, а потому что гостиница в очередной раз выдала больше информации реакцией, чем все её сотрудники словами.

Теперь у меня была гипотеза, был способ её проверить, и утром я собиралась узнать хотя бы одну вещь — пока не кто эти люди, до этого было ещё далеко, но что именно гостиница видит, когда смотрит на них.

За стеной тихо стукнула труба. Раз, другой, и после долгой паузы — третий. Я не знала, что означает три. Но впервые подумала: возможно, Николас пытался меня предупредить.

Глава 8

Свеча, которая не умеет лгать

О ремонте я объявила за завтраком — почти все были в одном помещении: Соколовы ели, я пыталась допить чай, пока он не остыл, Игнат возился у плиты, Мира разливала чай, Лея сидела рядом с детьми и, как обычно, ничего не трогала, близнецы подпирали противоположные стороны окна, а Гаррет появился неизвестно откуда и теперь стоял у входа с видом человека, которому происходящее совершенно безразлично. Николаса не было, но трубы возле кухни время от времени постукивали, так что собрание можно было считать общим.

Я дождалась, пока Соня закончит торговаться с матерью за второй кусок пирога, положила блокнот на стол и сказала:

— У меня объявление.

— Нет, — не оборачиваясь, сказал Игнат.

— Ты ещё не знаешь какое.

— Ваши объявления всегда заканчиваются работой.

— Наблюдательный.

— Работа такая.

— Ремонтируем служебное крыло, — сказала я, открыв блокнот.

Тишина наступила сразу, не постепенно — замолчали все,

даже дети, хотя они понятия не имели, где находится служебное крыло и почему взрослые вдруг стали относиться к этой новости как к объявлению войны. Мира медленно поставила чайник на стол.

— Зачем?

— Потому что там ужас. У Игната трещина возле окна размером с мою ладонь.

— Декоративная, — сказал Игнат.

— Ещё вчера она была просто трещиной.

— За ночь развилась. В декоративное направление.

Тим фыркнул, Дин отвернулся к окну.

— Светильники в копоти, окна нормально не закрываются, а часть штукатурки держится исключительно на вере в лучшее, — продолжила я. — Сегодня уборка и осмотр, завтра стены.

— Светильники не надо, — слишком быстро сказала Мира.

— Почему?

— Они старые. Стекло хрупкое.

— Именно поэтому их нужно почистить. Будем осторожны.

— Можно просто стены.

— Без нормального света?

— Там достаточно.

— Мира.

Она замолчала, и на этот раз я специально ждала этой ре-

акции и потому увидела всё: пальцы сильнее сжали ручку чайника, плечи стали жёстче, а взгляд на секунду метнулся к Лее. Та почти незаметно опустила глаза. Они знали что-то, чего не знала я, и раздражало меня уже не это, а то, насколько слаженно они умели молчать.

— Я не предлагаю снести крыло, — сказала я. — Просто привести его в состояние, в котором там можно жить.

— Мы и так живём, — сказал Гаррет. Он редко вмешивался в дневные разговоры, поэтому каждая его реплика становилась заметнее вдвойне.

— Именно. Вам всем почему-то ничего никогда не требуется. Ни зарплата, ни сон, ни нормальные комнаты, ни еда. Это очень удобно для работодателя и очень подозрительно для управляющей.

У Ольги остановилась ложка. Я поняла, что сказала лишнее при гостях.

— В бытовом смысле подозрительно, — добавила я, но Андрей уже посмотрел на Миру и промолчал.

— Кто будет делать ремонт, если я не брошу кухню? — спросил Игнат.

— Сначала просто освобождаем комнаты, — сказала я, и вот теперь наступила настоящая тишина.

— Освобождаем? — переспросила Мира.

— На два-три дня.

— А где мы будем?

Этого вопроса я и ждала.

— Гостиница пустая наполовину. Переселитесь в гостевые номера.

Ложка выскользнула у Миры из пальцев, ударилась о край стола и со звоном упала на пол. Соня вздрогнула. Я смотрела на Миру — она могла ловить стопку полотенец одной рукой, не оборачиваясь, вчера подхватила чашку, задетую Михаилом, раньше, чем та успела перевернуться. Ложку удержать не смогла.

— Я могу остаться в своей комнате, — сказала она.

— Не можешь, там будут работать.

— Тогда в прачечной. Или на кухне.

— Нет, — сказал Игнат. — Я там работаю.

— В холле, — попробовала Мира.

— Нет, — сказала я.

— Почему обязательно в гостевую? — спросила Мира.

Вот он, тот самый вопрос.

— Потому что именно для этого существуют гостиничные номера, — пожала я плечами. — На две ночи станете гостями.

Сквозь стену дважды ударила труба.

— Николас тоже против? — обрадовалась Соня.

— Николас против любых перемен, — мрачно сказал Игнат, и труба стукнула трижды. — Видите? Уже ругается.

Я не знала, что означают три удара, но после ночного предупреждения они мне совершенно не нравились.

— Переселите меня последней, — сказала Мира, подни-

мая ложку.

— Хорошо, — сказала я, для вида подумав. — В ремонте. Она замерла. Тим кашлянул в кулак, Дин очень внимательно рассматривал окно.

— А ночевать — первой. Ты старшая, покажешь пример. Даже Игнат перестал изображать безразличие. Где-то над нами тихо заскрипело дерево.

— И не начинай, — сказала я потолку.

В кухне сам собой распахнулся шкаф, металлические крышки с грохотом посыпались на пол. Соня захихикала:

— Она злится.

— Вижу. Решено, — сказала я, и весь дом будто глубоко вдохнул, а входная дверь хлопнула так, что задрожали подвески на люстре.

— Вы всегда так проводите планёрки? — спросил Андрей, отставляя чашку.

— Только удачные.

* * *

Через час служебного крыла не существовало. Я точно знала, где оно должно быть — после кухни налево, длинный коридор, узкая лестница, двери сотрудников; вчера сама проходила там дважды. Сегодня на месте прохода стоял огромный тёмный платяной шкаф, почти до потолка.

— Значит, сегодня не получится, — сказала Мира за моей спиной.

— Почему?

— Прохода нет.

— Это шкаф. Его можно убрать.

Она посмотрела на меня как на человека, предложившего передвинуть гору. Я открыла дверцы — внутри висели старые пальто, одно за другим, некоторые выглядели так, будто хозяева должны были вернуться за ними лет пятьдесят назад и слегка задержались.

— Что вы делаете?

— Освобождаю проход.

— За шкафом стена.

— Вчера стены не было.

— Значит, уберём и стену, — сказала я, и Мира побледнела.

— Не надо.

Вот это было интересно. Не раздражение — страх.

— Чего ты боишься?

— Ничего.

— Очень плохой ответ.

— Когда гостиница закрывает путь, лучше не спорить, — сказала она. — Она закрывает его не просто так.

— Вчера она не хотела отдавать мне кабинет. Потом отдала.

— Это другое.

— Чем?

Она не ответила. Я вынула последнее пальто — за ним оказалась деревянная задняя стенка шкафа. Постучала —

глухо.

— Стена, — сказала Мира.

— Это дерево. Послушай, — сказала я не ей, а дому, кладя ладонь на доски. — Если ты пытаешься защитить работников от ремонта, это очень мило, но целее стены от этого не станут. А если пытаешься помешать мне проверить что-то другое — тем более зря.

Дерево под ладонью слегка дрогнуло, раздался щелчок, и задняя стенка исчезла. За шкафом начиналась лестница.

— Видишь? — сказала я.

Мира не улыбалась.

— Она боится, — сказала она так тихо, что я сначала решила, будто ослышалась.

— Кто?

Мира поняла свою ошибку.

— Гостиница. Перемен. Потому что всё новое здесь всегда заканчивается плохо.

Она прошла мимо меня к лестнице, а я осталась стоять у шкафа с очень обнадеживающим девизом гостиничного бизнеса в голове.

* * *

Служебное крыло выглядело хуже, чем вчера — возможно, потому что теперь я знала, что искать. Узкий коридор, шесть дверей, потемневшие стены, трещины, бронзовые подсвечники под мутным от копоти стеклом. Я подошла к ближайшему.

— Вот с этого и начнём.

Мира встала между мной и дверью:

— Стены сначала. Так логичнее.

— Чтобы увидеть их состояние, нужен свет.

— Здесь достаточно.

— Ты сама веришь в то, что говоришь?

Игнат появился с лестницей и ведром, поставил и остановился:

— Может, правда стены?

— Вас что, копоть кормит?

Никто не ответил. Я поставила ногу на первую ступеньку — нижняя перекладина исчезла, я провалилась вниз и успела ухватиться за стену. Игнат подхватил лестницу.

— Осторожно!

— Я?!

Перекладина снова была на месте. В конце коридора хлопнула дверь.

— Ты совсем обнаглела? Ещё раз — и я вызову плотника из города, — сказала я потолку. Вторая дверь хлопнула, третья.

Вот это уже была коммуникация. Я поднялась снова, протянула руку к плафону — стекло треснуло тонкой линией.

— Оставьте, — прошептала Мира.

Я сняла плафон. Под слоем копоти обнаружилось место для свечи и чёрный, не горящий фитиль.

— Чья комната? — спросила я.

— Моя, — сказал Тим, высунувшись из-за Игната.

— Нет, моя, — сказал Дин.

— Вы сейчас серьёзно?

— Иногда меняемся. Чтобы жизнь была интереснее.

— Уже достаточно интересная.

Следующий светильник — тоже тёмный. Игната — не горит. Леи — тёмный. Потом я остановилась у двери Миры: стекло здесь было почти непрозрачным.

— Не надо, — сказала она снизу.

— Почему?

— Потому что он не работает.

— Проверим.

— Я знаю.

— Тогда ничего не потеряем.

— Пожалуйста, — сказала она, и голос у неё изменился.

Мира почти никогда не просила. Уклонялась, злилась, молчала — но не просила. Я медленно спустилась.

— Хорошо. Сегодня не будем.

— Спасибо.

— Потому что ты всё равно переезжаешь.

Мира закрыла глаза, Игнат отвернулся, близнецы внезапно нашли невероятно интересную трещину в стене.

— Что вы знаете? — спросила я.

Никто не ответил.

* * *

Для эксперимента я выбрала комнату №10 — совершенно

обычную, не связанную ни с Агатой, ни с одной известной мне историей, и специально проверила это вместе с Рейнаром, вызвав его короткой запиской: «Нужен свидетель. Желательно с приборами».

— Очень обнадеживающее приглашение, — сказал он, проведя по стене металлической пластиной, потом кристаллом. — Следов некротической активности нет. Если здесь появится синее пламя — оно будет связано с жильцом.

— Точно?

— Насколько позволяет магия.

— Кого вы собираетесь селить? — спросил он, увидев в конце коридора Миру с маленькой сумкой, и посмотрел сначала на неё, потом на меня. — Вы серьёзно.

— Всегда.

— Я могу переночевать на кухне, в прачечной, в холле, — попробовала Мира.

— Там Игнат. Там Лея. Мира, — сказала я и протянула ей ключ.

Она не взяла его сразу.

— Что вы хотите увидеть?

Наконец-то прямо.

— Что гостиница скажет о тебе.

— Она ничего не скажет.

— Свеча скажет.

— Вы ей помогаете? — спросила Мира у Рейнара.

— Я наблюдаю.

— Очень удобно.

Она взяла ключ — пальцы у неё были ледяными, я не отдёрнула руку, но почувствовала, и Рейнар это заметил по моим глазам. Она подошла к комнате, вставила ключ — он не повернулся. Попробовала снова. Замок не двигался.

— Видите? — сказала она почти с облегчением.

Я подошла, взяла ключ, повернула — дверь открылась. Мира побледнела.

— Совпадение.

Она молча вошла. Комната №10 была простой: кровать, шкаф, столик, умывальник, кресло у окна, на покрывале — полоса вечернего света.

— Ты заселена, — сказала я.

— Я просто вошла.

— Соколовы тоже просто вошли.

— Не сравнивайте.

Я вышла в коридор. Рейнар остался рядом, дверь Мира не закрыла. Мы ждали — минуту, две, три. Ничего. Я уже начала чувствовать себя идиоткой — может быть, свеча загорается только после записи в книге, может быть, персонал вообще не считается гостями. Бронзовый подсвечник тихо щёлкнул, и внутри вспыхнул огонёк — сначала почти бесцветный, дрожащий, потом цвет начал наливаться от основания. Холодный, глубокий, синий. Точно такой же, как над моей первой комнатой.

Я не двигалась. Рейнар тоже. Из комнаты донёсся тихий

звук — Мира села на кровать. Не от слабости, а как человек, который слишком долго ждал этого и всё-таки надеялся, что этого не случится.

Синий. След смерти, некротическая сигнатура — так сказал Рейнар. Если в комнате живёт дух, свеча синяя — так тоже сказал он. Мозг сделал вывод быстрее, чем я успела его остановить: Мира мертва. Я смотрела на неё — молодая женщина, дышит, моргает, сжимает пальцами край покрывала, несколько часов назад носила чайник, вчера складывала бельё. Холодные руки. Не ест. Не стареет. Нет документов. Нет прошлого. Синий огонь.

Слишком просто. И слишком невозможно.

— Рейнар.

— Я вижу.

— Это синий.

— Да. Я знаю, что означает.

— Нет, — сказала Мира, вставая. — Не делайте выводов.

— Тогда помоги. Над обычной пустой комнатой только что загорелся синий огонь после того, как ты вошла. Почему?

В её глазах был страх — теперь не передо мной. Она посмотрела на стену.

— Потому что она меня пометила.

— Кто?

Мира не ответила.

— Гостиница? — тихо спросил Рейнар.

— Да.

Новая возможность.

— Пометила чем?

— Не знаю!

Голос у неё сорвался впервые. Лампа в коридоре мигнула, и Мира сразу понизила тон:

— Мы никогда не знали, что именно означает всё, что она делает.

— Рейнар знает.

Он покачал головой:

— Я знаю, что синий спектр связан с некротической магией. Это не обязательно означает, что живой человек буквально мёртв. Есть и другие объяснения: длительный контакт с сильной некротической структурой, проклятие, привязка, частичное изменение энергетического контура.

Проклятие. Слово встало на место слишком хорошо.

— Ты привязана к гостинице? Именно поэтому не уходишь?

Её глаза блеснули.

— Мы не можем.

Мы. Не «я».

— Кто «мы»? — Персонал?

Она поняла, что сказала, слишком поздно и отвернулась. В конце коридора появились Игнат, Лея, близнецы, Гаррет — я понятия не имела, кто их позвал. Никто из них не смотрел удивлённо на синюю свечу, и это было самым страшным.

— Вы знали, — сказала я. — Все?

Никто не ответил.

— Что именно?

Тишина. Игнат ударил ладонью по стене:

— Хватит.

— Чего?

— Копаться, — рывкнул он, и из стены рядом с его рукой прошёл тяжёлый глухой удар, будто дом ответил. Игнат отшатнулся. — Вот! Вот поэтому! Ты спрашиваешь, почему мы молчим? Потому что каждый раз, когда кто-то лезет туда, куда не надо, она слушает.

— Игнат, — сказала Мира.

— Что? Двести лет будем делать вид, что всё нормально?

Коридор замер — даже воздух. Мира побелела. Я почувствовала, как мозг зацепился за цифру.

— Что ты сказал?

— Ничего, — сказал Игнат, но было поздно. Весь свет разом погас, коридор утонул во тьме, и единственным огнём осталась синяя свеча над комнатой Миры. Лея тихо вскрикнула. Где-то наверху хлопнула дверь, потом ещё одна, потом сразу две.

— Не надо, — прошептала Мира, и я поняла, что не мне. Дому. — Пожалуйста.

По стенам прошёл медленный звук, будто кто-то очень большой двигался внутри дерева. Я стояла в синем свете и впервые почувствовала не раздражение, а страх — не пото-

му, что дом выключил лампы, а потому, что все люди вокруг меня боялись его давно, настолько давно, что этот страх успел превратиться в привычку.

Рейнар поднял кристалл, внутри вспыхнул фиолетовый свет.

— Спокойно.

— Очень полезный совет, — сказала я тише, чем хотела.

Свет осветил лица — все смотрели не на меня, а на стены, как люди, которые знают, что может произойти дальше. Ничего не произошло. Через несколько секунд лампы зажглись снова, обычным тёплым светом. Синяя свеча продолжала гореть.

— Проклятие, — сказала я Рейнару. — Ты сам сказал, что это возможно. Они не стареют нормально. Не уходят из гостиницы. Почти не существуют в документах. Свеча показывает некротическую магию. Они боятся дома. Что ещё я должна думать?

— Ничего, — тихо сказала Мира.

— Плохая попытка.

— Вера...

— Нет, — сказала я, впервые назвав её по имени не как начальница. — Вы все ждёте, что я перестану спрашивать. Не перестану.

— Некоторые вещи лучше не знать, — подала голос Лея.

— Это мне уже говорили.

— Потому что это правда.

— Правда обычно не требует столько усилий, чтобы её спрятать.

Мира долго смотрела на синее пламя, потом сказала:

— Когда-то про этот дом говорили разные вещи.

— Мира, — предостерёг Игнат.

— Она всё равно найдёт.

— Что найду? — спросила я.

— Люди в городе боялись первой Хозяйки.

Внутри что-то неприятно дрогнуло. Агата — женщина из дневника, мука, дрова, крыша, кошки.

— Почему?

— Потому что здесь происходили вещи, которых никто не понимал. Люди приходили. Иногда оставались.

— В каком смысле?

Она снова закрылась, и мне пришлось повторить её имя, прежде чем она сказала:

— Говорили, что Агата умела привязывать человека к дому.

Игнат выругался. Лея стала ещё бледнее. Рейнар не двигался. А я вдруг вспомнила свою собственную калитку, пустую улицу, туман, невозможность сделать один шаг наружу, синий огонь над моей комнатой.

— Поэтому я не могу выйти?

Никто не ответил, но отсутствие ответа впервые показалось мне ответом.

— А вы? — спросила я Миру.

— Мы тоже не можем уйти далеко.

Ещё одна деталь, и всё начало складываться — не идеально, но достаточно. Агата, старый дом, люди без прошлого, работники, которые не стареют, некротический след, свечи, граница.

— Значит, это проклятие.

Мира посмотрела на меня очень странно — с болью, почти с желанием что-то сказать. Но промолчала. И именно поэтому я решила, что права.

* * *

Поздно вечером мы с Рейнаром сидели в кабинете, который гостиница вернула — я решила считать это признанием права на расследование. На доске я написала крупно: «ПРОКЛЯТИЕ?» — а ниже выписала всё, что знала: связь с гостиницей, невозможность уйти, синий след, отсутствие старения, нет документов, Агата Морвейн.

— Вы слишком быстро превращаете гипотезу в факт, — сказал Рейнар, глядя на список.

— Поэтому знак вопроса.

— Очень маленький.

Я добавила второй: «ПРОКЛЯТИЕ??»

— Значительно научнее, — сказал он, и я села напротив.

— Ты слышал легенды про Агату?

— Да.

— И не сказал.

— Потому что городские легенды редко полезны.

— А если половина моего персонала обладает некротической сигнатурой?

— Мы проверили одного человека. Это не измерение.

— У тебя скучный подход к доказательствам.

— Он называется профессиональным.

— Что говорят легенды? — спросила я, и он несколько секунд выбирал слова.

— Что Морвейн занималась запрещёнными практиками. Разными, в зависимости от версии: работа с душами, привязка умерших, сохранение людей после смерти, ритуалы над телами постояльцев.

Внутри стало холодно. Перед глазами почему-то сразу возник дневник: цена муки выросла, крыша опять течёт, кот стащил рыбу.

— Не похоже.

— Вы знали её?

— Читаю дневник, — сказала я и поняла, что проговори-
лась.

— Какой дневник?

— Агаты. Нашла в первой комнате.

Рейнар медленно поставил чашку.

— И вы решили сообщить об этом сейчас?

— Мы знакомы всего несколько дней.

— Это не аргумент.

— Для меня хороший. Пока ничего похожего на чёрную магию, — сказала я. — Быт. Гости. Ремонт. Деньги.

— Насколько старые записи?

— Не проверяла ещё по календарю. Покажу потом, — сказала я раньше, чем он успел спросить.

— Завтра попробую получить доступ к городскому архиву, — сказал он. — Если существовало официальное расследование Агаты, там будут материалы.

— Ты думаешь, её действительно обвиняли?

— Легенды обычно рождаются из чего-то.

Я посмотрела на надпись «Агата Морвейн» на доске.

— Или из страха.

— Иногда это одно и то же.

Мы замолчали. За окном сад уже утонул в темноте, дальше за калиткой лежала пустая улица в тумане — для меня; для Рейнара там, вероятно, шёл кто-то домой, закрывались магазины и существовал обычный живой город. Я всё ещё была по эту сторону, но теперь у меня появилось объяснение, которое связывало мою границу с тем, что происходило с сотрудниками. Не миссия — вернее, не только миссия. Возможно, сначала гостиница должна была освободиться от старого проклятия, и, возможно, именно поэтому она притянула меня: Агата когда-то привязала людей, а теперь дому требовался кто-то, кто сможет это исправить.

Гипотеза была ужасной и одновременно почти утешительной. Проклятие можно снять. Проблему можно решить. А значит, дорога домой всё ещё могла существовать.

— С чего начнём? — спросила я, вставая.

— С фактов.

— Как скучно.

— Поэтому один из нас инспектор.

— А второй полезный.

Он почти улыбнулся:

— Завтра архив.

Когда он ушёл, я приписала на доске под «ПРОКЛЯТИЕ??»: «Когда каждый из них пришёл в гостиницу?» — и долго смотрела на этот вопрос. Если проклятие существовало, у него должна быть точка начала. Если была точка начала — значит, был человек, событие или ритуал. Если была причина — её можно найти. А если её можно найти — можно исправить последствия. Логично. Я всегда любила логичные задачи, даже когда весь остальной мир переставал быть логичным.

* * *

Перед сном я поднялась в первую комнату. Синяя свеча горела над дверью так же ровно, как всегда, только теперь её цвет выглядел иначе. Не Агата? Или Агата плюс что-то ещё? Рейнар говорил, старые комнаты способны сохранять некротический фон, а если Агата действительно занималась чем-то запрещённым...

Я достала дневник из ящика и открыла там, где остановилась. Обычный почерк, обычная запись: Агата жаловалась, что один постоялец опять пытается кормить Кота со стола. Дальше — стоимость свечей, необходимость починить кры-

шу до зимы. Ни ритуалов, ни ведьмы — только женщина, которая слишком много работала.

Почему-то именно это испугало меня сильнее всего. Потому что я понимала её слишком хорошо.

За стеной стукнула труба.

— Николас? Ты тоже проклят?

Долгая тишина, потом один удар, пауза, ещё один. Я не знала, что значит два, и уже собиралась лечь, когда из глубины труб пришёл третий — медленный, тяжёлый. Не ответ. Предупреждение.

Я сидела с дневником на коленях и слушала, как гостиница вокруг меня тихо скрипит во сне, а потом заметила одну вещь: когда я произнесла слово «проклят», в доме стало холоднее — совсем немного, на один вдох, но стало. И где-то очень далеко, глубоко внутри стен, что-то словно проснулось.

Глава 9

После синего огня

Утром синяя свеча над десятой комнатой всё ещё горела. Я проверила это раньше, чем спустилась завтракать, и несколько минут просто стояла в конце коридора, скрестив руки на груди и глядя на холодное пламя, которое за ночь не стало ни слабее, ни понятнее. Мира явно не спала — если вообще спала. За дверью было тихо, но, когда я постучала, она ответила почти сразу.

— Да?

— Можно?

— Вы всё равно войдёте.

— Учимся понимать друг друга.

Мира сидела у окна полностью одетая, с аккуратно убранными волосами, будто ночёвка в гостевой комнате для неё заключалась исключительно в том, чтобы дожидаться утра, не прикасаясь к кровати. Покрывало было ровным, подушка тоже. Я посмотрела на неё, потом на кровать, и Мира проследила за моим взглядом.

— Что?

— Ничего.

— Вы плохо умеете говорить «ничего».

— Учусь у лучших, — сказала я.

Мира встала.

На маленьком столе стояла чашка с чаем, давно остывшим, с нетронутой поверхностью.

— Пила? — спросила я, подходя.

— Да.

— Мира.

Я коснулась чашки. Холодная.

— Когда?

Она отвела глаза, и на этом можно было закончить разговор. До вчерашнего вечера такие мелочи легко списывались на странности; сегодня каждая просилась в отдельную колонку. Не спит. Не ест. Не пьёт. Не стареет. Холодная кожа. Не существует в документах. Не выходит за пределы гостиницы. Синяя свеча. Если сложить только эти факты и показать их постороннему человеку, вывод получался неприятно очевидным.

Только у меня самой тоже горела синяя свеча. А Рейнар проверил меня: сердце работало, контур существовал, я ела, спала, уставала, злилась и вчера чуть не наворачнулась с лестницы совершенно физическим образом. Значит, синий огонь не мог означать только смерть. Мне очень понравилось это «не мог» — настолько, что я тут же за него уцепилась.

— Собирайся, — сказала я. — Домой. В свою комнату, — уточнила я, пока Мира не успела спросить что-то ещё. — Ремонт откладывается на несколько часов.

— Отменяется?

— Не надейся.

Она взяла маленькую сумку, и мы вышли. Как только Мира переступила порог десятой комнаты, синяя свеча над дверью дрогнула и погасла — сразу, будто кто-то задул её изнутри.

— Назад, — сказала я.

— Госпожа... вы уже получили то, что хотели.

— Я получила один результат. Теперь проверяю повторяемость.

Она посмотрела на меня с выражением человека, который искренне сожалел, что несколько дней назад гостиница не выбрала кого-нибудь менее настойчивого, но вернулась. Переступила порог. Сначала ничего, потом бронзовый подсвечник тихо щёлкнул, мелькнула белая искра — и синий огонь снова был на месте.

— Хорошо, — сказала я.

— Хорошо?

— Нет. Но теперь точно.

Мира вышла снова, пламя погасло. Я достала блокнот и записала: «Мира в гостевой комнате — синий. Мира выходит — свеча гаснет. Повторяется».

— Вам станет легче, если вы всё запишете? — спросила она.

— Да. Потому что тогда это проблема, а не кошмар.

Мира долго молчала.

— Иногда это одно и то же, — сказала она наконец и ушла.

После синего огня я начала смотреть на всех иначе. Не хотела — именно поэтому смотрела. Раньше близнецы были двумя раздражающе бодрыми портье, которые умудрялись возникать именно там, где меньше всего требовались. Теперь я замечала, что ни разу не видела одного из них сонным, небритым, заболевшим или хотя бы с помятым воротником. Мира всегда выглядела одинаково. Гаррет после ночной смены — тоже. Лея могла весь день таскать бельё, гладить, убирать и следить за детьми, а вечером её лицо оставалось таким же спокойным, каким было утром.

Игнат готовил еду часами и ни разу не обжёг палец, не порезался, не пробовал суп так, как делает нормальный повар — полноценной ложкой, с последующим «мало соли» или «ещё пять минут». Он подносил соус к губам, касался языком, иногда даже делал вид, что пробует, но теперь, когда я знала, куда смотреть, жест выглядел именно тем, чем и был. Привычкой. Или спектаклем.

Самое неприятное происходило с детьми. Леон и Адель могли часами играть с Соней и Михаилом, бегать по лестницам, спорить и смеяться, но за столом их еда почти всегда оставалась нетронутой. Адель могла держать печенье полчасика; Леон откусывал крошечный кусок хлеба, начинал говорить и так больше к нему не возвращался. Раньше я этого не замечала — так естественно они это делали. Теперь мне хотелось перестать замечать снова, и не получалось.

— Ты на нас смотришь, — сказал Тим. Он стоял по другую сторону стойки, Дин сидел на левом пролёте, болтая ногой.

— Я на всех смотрю.

— На нас особенно.

— Вы особенно подозрительные.

— Спасибо.

— Это не комплимент.

— А что мы сделали? — спросил Дин сверху.

— Ничего, — сказала я, и оба одновременно улыбнулись.

— Уже лучше.

— Но это временно, — добавила я, и улыбки исчезли одновременно.

Я снова открыла бухгалтерскую книгу.

— Где вы жили до гостиницы?

Тим посмотрел на Дина, Дин на Тима.

— В разных местах. Мы путешествовали.

— Где?

— Много где.

— Название одного места.

— Зачем?

— Хочу понять, откуда вы появились.

— Мы всегда были красивые.

— Не внешне. В гостинице, — сказала я, и Дин спрыгнул с перил, легко, почти бесшумно.

— Давно.

Я положила перо.

— Я вас когда-нибудь убью за это слово.

Оба замерли — совсем ненадолго, может быть, на секунду, но этого хватило.

— Сначала поймите, — сказал наконец Тим, и оба ушли, а я смотрела им вслед и думала о том, почему обычная шутка прозвучала так, будто я случайно коснулась чего-то запрещённого.

* * *

Миру я нашла в саду, разумеется не за калиткой. Она стояла у старой яблони и собирала упавшие плоды в корзину. Ветер перебирал листья, от дома тянуло дымом кухни, а за оградой для меня лежала всё та же пустая улица в тумане.

— Помочь?

— Справляюсь.

— Это я уже слышала.

Я подняла яблоко — небольшое, с красным боком.

— Ты выходишь в сад.

— Да.

— А дальше? — спросила я, показывая на калитку.

Мира замерла — совсем чуть-чуть.

— Куда, туда? Нет.

— Почему?

— Не люблю город.

— Настолько, что не выходишь двести... — начала я и осеклась. Вчера Игнат обронил «двести лет будем делать

вид», а сейчас Мира резко посмотрела на меня. — Настолько, что вообще не выходишь?

— Да.

— Попробуй.

— Зачем?

— Потому что я прошу.

— Нет.

Вот теперь было интересно: Мира очень редко отказывала мне прямо.

— Почему?

— Не хочу.

— Или не можешь?

Её лицо закрылось.

— Мира.

— Не надо.

— Именно это вы все постоянно говорите.

— Потому что вы постоянно идёте туда, куда не надо.

— У меня это профессиональное.

— Это не гостиничный навык.

— Ты удивишься.

Я взяла корзину и понесла к калитке. Мира осталась стоять; через несколько шагов я обернулась.

— Идём. Просто до калитки.

Она закрыла глаза, потом всё-таки пошла. Чем ближе мы подходили к ограде, тем медленнее становились её шаги — не драматично, не как человек, которого удерживает неви-

димая сила, а скорее как тот, кто подходит к краю очень высокого здания и телом раньше разума понимает, что дальше идти нельзя.

У калитки Мира остановилась.

— Что ты видишь? — спросила я. — За оградой.

Мира посмотрела. Я видела туман в её глазах ещё до ответа.

— Улицу. Пустую.

У меня по рукам прошли мурашки. Я тоже видела пустую улицу — Рейнар видел живую.

— Туман?

— Вы тоже? — резко спросила Мира, и я медленно кивнула. Впервые на её лице появилось выражение, которого я не ожидала: не страх за меня, а облегчение. — Значит, это одно и то же.

Я почти почувствовала, как части головоломки занимают места.

— Именно.

— Нет, — тихо сказала она, и облегчение исчезло.

— Что «нет»?

— Ничего.

— Поздно, — сказала я и открыла калитку. За ней лежала серая дорога — ни голосов, ни колёс, ни людей. — Выходи. Один шаг.

— Не надо.

— Рейнар говорит, там обычная улица.

— Для него.

— Для нас нет, — сказала я, и слово «нас» прозвучало особенно хорошо. Подтверждение. — Значит, гостиница делает с нами одно и то же.

Мира посмотрела на меня почти с отчаянием:

— Вы не знаете этого.

— Мы обе видим туман. Обе не можем уйти. Обе связаны с домом. Над нашими комнатами горит один и тот же огонь.

— Ваша свеча...

— Агата, знаю. — Я улыбнулась без веселья. — Очень удобная Агата. Объясняет практически всё, что со мной происходит. Попробуй.

Она подошла к самой границе, подняла ногу — и не поставила. Я видела, как напряглись пальцы её руки на решётке. Потом Мира сделала шаг и осталась внутри сада. Точно как я. Ни вспышки, ни удара — просто движение не завершилось.

Я медленно выдохнула.

— Проклятие.

— Не называйте это так, — сказала она, закрыв глаза.

— Почему?

— Просто не надо.

— Мира.

— Потому что она слышит.

За нашими спинами, в гостинице, хлопнула дверь. Мы обе обернулись. Мира побледнела; у меня похолодело в животе

— не потому, что дверь хлопнула, а потому, что совпадение стало слишком точным.

— Кто слышит?

Мира смотрела на окна дома.

— Она.

— Агата?

Молчание.

— Или гостиница?

Мира взяла корзину.

— Нам надо внутрь.

— Я ещё не закончила.

— А она закончила, — сказала Мира и пошла к дому.

В этот момент калитка скрипнула, и из-за моего плеча раздался голос Рейнара:

— Вера?

Я резко повернулась. Сначала увидела только туман между прутьями, потом его ладонь на створке — уже с нашей стороны.

— Рейнар?

Он переступил через границу и повторил громче:

— Вы меня слышите?

— Теперь слышу.

Передо мной был весь Рейнар — чёрное пальто, серые глаза, раздражённое выражение.

— Я уже минуту стоял снаружи.

— Для меня вас не было.

Он посмотрел на уходящую Миру:

— Что происходило?

— Эксперимент.

— Я начинаю ненавидеть это слово.

— Она видит то же самое. Пустую улицу, — сказала я, и Рейнар перестал раздражаться и посмотрел уже на Миру. — И не может выйти. Как я.

— Не делайте выводов.

— Поздно. Два человека видят одинаковое и оба связаны с гостиницей. Это не совпадение.

— Возможно.

— Ненавижу это слово.

Он прошёл к калитке и вышел — для меня исчез. Потом вернулся.

— На улице рынок. Сегодня торговый день, перед нами примерно двадцать человек.

Я посмотрела — туман.

— Не вижу.

— А она? — Он снова взглянул на Миру, которая уже стояла у крыльца.

— Тоже.

Рейнар задумался:

— Интересно.

— Не то слово.

— Встаньте возле границы, — сказал он, доставая кристалл.

— Сейчас?

— Вы хотели факты.

Вот за это он мне нравился — немного. Совсем немного. Рейнар провёл кристаллом вдоль моей руки, потом возле калитки: золотистые линии, слабый синий отблеск.

— Что?

— У вас связь с гостиницей сильнее, чем вчера.

— Приятно слышать.

— Не обязательно. А у Миры — проверим.

— Нет, — тут же сказала Мира.

— Мира.

— Не надо.

— Почему?

— Потому что не надо.

— Видите? — сказала я Рейнару. — Это их официальный девиз.

Он снова протянул кристалл. Мира попятилась, дом за её спиной тихо закрипел, и Рейнар остановился.

— Хорошо, — сказал он.

— Всё?

— Если заставлять человека участвовать в магическом исследовании против воли, результаты обычно бесполезны.

Мира посмотрела на него почти благодарно. Я — раздражённо.

— Иногда вы слишком порядочный.

— Это тоже профессиональная деформация.

* * *

Мы сидели в кабинете. На доске появилось две колонки: слева «Вера», справа «Персонал». Под первой — «Не выходит за сад. Видит пустую улицу/туман. Связана с гостиницей. №1 — синий огонь, предположительно Агата». Под второй — «Не выходит за сад? Подтверждено на Мира. Мира тоже видит пустую улицу. Синий огонь в обычной комнате. Некротический след. Нет нормального старения? Нет внешней жизни. Нет документов».

— Это одна система, — сказала я, стоя перед доской.

— Вы хотите, чтобы была одна, — заметил Рейнар из кресла.

— Потому что так логичнее.

— Мир редко обязан соответствовать вашим таблицам.

— Очень плохое устройство мира.

Он чуть улыбнулся. Я добавила: «Агата / проклятие?»

— Что мы знаем про обвинения против неё?

— Пока почти ничего проверенного. Я вчера говорил про легенды: ритуалы над мёртвыми — одна версия, привязка душ — другая.

— Наказание высших сил?

Он удивлённо посмотрел на меня:

— Откуда?

— Мира сегодня сказала «она слышит» с таким лицом, будто я вслух позвала кого-то, кого лучше не звать. Если в городе два века рассказывают про ведьму, наверняка есть вер-

сия про наказание.

— Существует.

— Какая?

Он помолчал.

— Что Морвейн пыталась удерживать умерших в доме, а в конце оказалась связана с ним сама.

По коже прошёл холод. Слишком хорошо ложилось на моё положение. Я посмотрела на синюю свечу первого номера, мысленно представив её этажом выше.

— Значит, она получила то же проклятие, которое накладывала.

— Согласно легенде.

— И теперь я живу в её комнате. Не могу уйти. Мира тоже. И над ней синий огонь.

— Да.

— Рейнар, вы сейчас совершенно не помогаете мне не верить в легенду.

Он встал:

— Именно поэтому я хочу архивы.

— Когда?

— Разрешение запросил. Городская магическая служба не любит выдавать двухсотлетние материалы женщине из другого мира, которая появилась совсем недавно в гостинице, неоднократно признанной пространственно опасной.

— Формалисты.

— Именно.

Я села.

— Тогда пока будем работать внутри. С людьми, — уточнила я, прежде чем он успел спросить.

— Они явно не хотят разговаривать.

— Все хотят разговаривать. Просто иногда им нужно задать правильный вопрос.

— А вы уверены, что знаете правильный?

— Нет.

— Это прогресс.

— Мне не нужно спрашивать, что с ними произошло, — сказала я, показывая на доску. — Нужно спрашивать когда. Когда каждый появился в гостинице. Если проклятие существовало не всегда, должна быть точка начала. Если все пришли после одного события — ищем событие. Если в разные годы — ищем общее условие.

Он задумался:

— Это разумно.

— Снова запишите дату.

— Вы становитесь невыносимой.

— Я и раньше была.

* * *

Начала я с Игната — он хуже всех умел скрывать раздражение. На кухне кипел бульон, он рубил овощи с такой скоростью, что любой нормальный человек давно лишился бы пальца.

— Когда ты пришёл сюда?

Нож остановился.

— Началось.

— Всего один вопрос.

— Вы никогда не задаёте один.

— Сегодня эксперимент.

— Давно.

Я хлопнула ладонью по столу.

— Это слово запрещено. Мной, — добавила я раньше, чем он спросил кем. В стене что-то стукнуло, и Игнат хмыкнул.

— Теперь да. Год?

— Не помню.

— Десять? Пятьдесят?

Он снова начал резать, чуть медленнее.

— Значит, больше.

— Я этого не сказал.

— А лицо сказала.

— Моё лицо вам ничего не должно.

— Кто был Хозяйкой, когда ты пришёл?

Нож замер снова.

— Другая.

— Имя?

— Не помню.

— Ты отвратительно врёшь.

— А вы отвратительно лезете туда, куда вас не просят, — сказал он резко, положив нож.

— Потому что хочу снять проклятие.

Игнат побледнел — это было неожиданно.

— Кто сказал, что его можно снять?

— Значит, оно есть.

Он закрыл глаза.

— Господи.

— У нас здесь другие высшие силы, или этот подходит?

Игнат рассмеялся — коротко, зло — и посмотрел на меня.

— Думаете, вы первая такая умная? Которая приходит и решает всё исправить.

Фраза задела сильнее, чем должна была.

— А кто был до меня?

Он отвернулся к плите:

— Никого.

— Только что сказал...

— Забудьте.

— Не умею.

Трубы над нами начали стучать — не Николасов обычный один-два, а часто и неровно.

— Хватит! — крикнул Игнат, и стук прекратился.

— С кем ты сейчас разговаривал?

— С трубой. С Николасом.

— Что он сказал?

— Что мне пора заткнуться.

— А он знает, когда ты пришёл?

Игнат посмотрел на трубу.

— Николас?

Один удар.

— Знаешь?

Пауза. Ещё один.

— Расскажешь? — оживилась я.

Три сильных удара. Игнат рассмеялся.

— Это «нет».

— Наконец-то хоть что-то перевели.

— Не радуйтесь, — сказал он, снова беря нож. — Здесь
ответы дорого стоят.

— Чем?

Игнат посмотрел прямо на меня.

— Иногда тем, что потом уже не можешь вернуться к
незнанию.

* * *

Дальше не было лучше. Мира не отвечала вообще. Лея
сказала «не знаю», Гаррет — «это не имеет значения». Тим
сказал «весной», Дин — «осенью».

— В один год?

— Возможно.

— Какой?

— Красивый.

— Вон.

Через несколько часов на доске была абсолютная ерунда — ни одной даты, ни одного года. Но один факт всё-таки появился: никто не говорил о жизни вне гостиницы в на-

стоящем времени. Мира не говорила «моя семья живёт» — только «была семья». Игнат не говорил «раньше работал» — только «до гостиницы». Гаррет вообще избегал разговоров о городе. Близнецы вспоминали цирк так, будто он существовал в каком-то отдельном, навсегда закончившемся времени. Лея о родителях детей говорила «далеко» — не «живут», не «умерли». Далеко.

Я подчеркнула это слово, и вечером Рейнар его увидел.

— Что это?

— Шаблон.

— Может быть совпадением.

— Сколько совпадений требуется, чтобы вы перестали произносить эту фразу?

— Обычно больше трёх.

— Отлично. У меня девять.

— Всё равно пока недостаточно, — сказал он, глядя на доску.

Я хотела ответить, но наверху раздался детский смех — Соколовы, живые, настоящие. И вдруг я поняла ещё одну вещь. Они постоянно говорили о мире за пределами гостиницы: школа, работа, бабушка, друзья, квартира, интернет, то, что будут делать после возвращения. Персонал — никогда. Для них будущего вне дома будто вообще не существовало.

— Рейнар. А если проклятие не только не выпускает их?

— Продолжайте.

— А если оно постепенно стирает всё, что связывало их снаружи?

— Память? — нахмурился он.

— Документы. Людей. Может быть, время.

— Это очень сильное предположение.

— Знаю. И пока ничем не подтверждено. Именно поэтому завтра полезем в книгу регистрации.

— Она не даст вам старые записи просто потому, что вы попросите.

— Посмотрим.

* * *

Ночью я снова читала дневник Агаты. Мне уже нравилось это время: гостиница затихала, Кот и Кошечка пока существовали только в строчках, хотя я уже знала, что когда-то здесь и правда жили две кошки с совершенно бессовестными именами.

Сегодня Агата писала про молодую пару, которая поселилась на неделю и осталась на месяц, потому что мужчина сломал ногу. Потом про ребёнка, который боялся грозы. Потом про постояльца, не заплатившего за ужин. Обычная жизнь. Чем больше я читала, тем сильнее меня раздражали городские легенды. Где здесь ведьма? Где ритуалы? Где трупы? Женщина считала свечи поштучно, потому что денег не хватало.

Я перевернула страницу. Почерк изменился — не сильно, но строки стали плотнее, будто Агата писала торопясь.

«Сегодня снова пришли люди из города. Говорили, что я должна перестать держать тех, кому положено уйти. Как будто я знаю, как».

Я перестала дышать и перечитала дважды. Первое прямое подтверждение: люди действительно обвиняли Агату. Но следующая строка заставила меня нахмуриться.

«Они думают, что это я. Иногда мне хотелось бы, чтобы они были правы. Тогда я хотя бы могла что-нибудь изменить».

Я сидела совершенно неподвижно. Если дневник не лгал, Агата отрицала собственную власть над происходящим. И либо легенда ошибалась, либо ведьма врала даже самой себе. Мне не понравилась ни одна версия.

Следующие страницы были пустыми. Я вернулась назад — запись оставалась, чернила настоящие.

— Агата. Что ты не знала? Как удержать? Или как отпустить?

Синяя свеча за дверью резко вспыхнула, и одновременно во всём доме погас свет — не постепенно, сразу. Остался только синий огонь.

Я сидела на кровати с открытым дневником на коленях, и из коридора донёсся тихий звук: шаг, пауза, ещё один. Кто-то шёл к первой комнате, медленно. Я закрыла дневник. Не Тим и не Дин — те двигались легче. Не Игнат — его шаги были тяжелее. Не Мира — она почти не шумела. Я уже научилась различать их по звуку, и потому знала: это был ни-

кто из них.

Шаг остановился прямо за дверью. Я смотрела на ручку — она не двигалась. Несколько секунд ничего, потом с той стороны кто-то очень тихо провёл ногтями по дереву, один раз, сверху вниз. Я не дышала. Синий огонь под дверью дрогнул, и из коридора раздался шёпот — не женский, не мужской, произнесённый так тихо, что я скорее поняла его, чем услышала.

— Ведьма.

Холод прошёл по комнате — не от окна, не от сквозняка, будто сам воздух на секунду вспомнил зиму. Я встала, подошла к двери.

— Кто там?

Никто. Я распахнула — коридор был пуст, синий огонь горел ровно, лампы снова зажигались одна за другой. На полу перед дверью лежало яблоко — маленькое, красное, с мокрой землёй на боку. Такое же, какие утром Мира собирала в саду.

Я наклонилась и не стала его трогать. И впервые мне пришла мысль, которую я не сумела сразу превратить в таблицу.

А что, если гостиница боится не того, что мы узнаем о проклятии? Что, если она боится самого слова?

Ведьма.

Глава 10

Имена без отъезда

Я не трогала яблоко до утра. Оно лежало перед дверью первой комнаты, небольшое, красное, с засохшей грязью на одном боку, и всякий раз, когда я просыпалась, мне казалось, что я вижу его тёмный силуэт в щели под дверью. Глупость, конечно — обычное яблоко, в саду таких десятки, Мира вчера собирала их в корзину, и принести его мог кто угодно: Тим, Дин, Соня, да хоть Игнат, если ему внезапно захотелось попробовать себя в роли загадочного посланника.

Менее обычным было слово. Ведьма. Я слышала его совершенно отчётливо, и всё же к утру у меня появилась другая мысль. Комнаты умеют помнить — гостиница явно хранила больше, чем мебель и пыль. Лея говорила «она помнит», Агата в дневнике писала, что жители города обвиняли её в том, что она «держит тех, кому положено уйти». Значит, кто-то действительно мог когда-то стоять в этом коридоре и произнести это слово. Не обязательно вчера — возможно, сто лет назад, а гостиница просто вернула его. Мысль была гораздо приятнее варианта, в котором неизвестное существо ходит ночью по коридору и разговаривает под моей дверью.

Я открыла дверь. Яблоко лежало там же. Подняла — холодное, твёрдое, самое обычное, понюхала — пахло садом,

никакой серы, крови или могильной земли, как полагается проклятым яблокам в плохих романах.

— Хорошо, — сказала я и понесла его вниз.

* * *

В холле было ещё тихо. Раннее утро превращало гостиницу почти в другое место: тёплые лампы ещё горели, но сквозь высокие окна уже пробивался сероватый свет, и стало видно то, что вечером скрывала уютная полутьма — небольшие трещины на штукатурке, потёртые края ковра, царапины на стойке. После уборки дом выглядел значительно лучше. Но не моложе. И мне это нравилось.

Я положила яблоко на стойку рядом с закрытой книгой регистрации и провела ладонью по кожаной обложке.

— Сегодня ты будешь сотрудничать. Это не вопрос.

Где-то наверху коротко скрипнула половица.

— Буду считать согласием.

Современные записи находились почти сразу: Соколовы, Сергей Павлович — «посетитель», и моя собственная строка: «Вера Лаврова. Прибытие: 23 октября. Комната: 1. Отъезд: —». Ничего нового, но теперь, после всех разговоров о привязке и невозможности выйти, пустая последняя графа выглядела неприятнее. Я перевернула страницу — у Соколовых тоже пока не было отметки об отъезде. Значит, сама по себе пустота ничего не доказывала.

Я пошла назад — неделя, месяц, год. Страницы становились другими, почерк менялся, некоторые записи выцветали.

ли, но система оставалась узнаваемой: имя, прибытие, комната, отъезд. У большинства гостей были обе даты. Иногда отъезд отсутствовал, и сначала я не придавала этому значения. Потом вернулась. Первый человек — прибытие есть, комната есть, отъезда нет. Ещё один. Ещё. Странно. Я достала бумагу и начала считать.

Через двадцать минут передо мной лежал список из одиннадцати имён. У всех — прибытие, комната, и ни одного отъезда. Ничего знакомого: ни Миры, ни Игната, ни остальных. Просто гости, некоторые фамилии повторялись в других книгах, некоторые нет.

— Куда же вы делись? — пробормотала я, листая дальше.

— Кто? — раздалось за спиной.

Я вздрогнула. Мира стояла за стойкой — я не слышала, как она подошла.

— Ненавижу, когда вы так делаете.

— Как?

— Появляетесь без звука.

— Что это? — спросила она, глядя на список.

— Люди, которые заселились и официально не выехали.

Мира не изменилась в лице, но рука, лежавшая на стойке, медленно сжалась.

— Старые записи. Некоторые могли просто забыть отметить.

— Один — да. Двое — тоже. Одиннадцать только за небольшой период?

Она молчала.

— Что с ними происходило?

— Не знаю.

— Мира.

— Правда не знаю, — сказала она, и я впервые не была уверена, врёт ли она.

— А где записи персонала?

Её лицо снова закрылось.

— Мы не гости. Значит, в книге нас нет.

— Но она записывает всех, кого принимает гостиница.

— Гостей.

— А если сотрудник сначала был гостем?

Мира замерла — совсем чуть-чуть. Попала.

— Кто из вас пришёл сюда как постоялец? Ты?

Она отвела глаза.

— Не помню.

— Ты слишком часто не помнишь вещи, которые явно помнишь.

Мира взяла тряпку и начала вытирать и без того чистый край стойки.

— Иногда память здесь работает иначе. Некоторые вещи становятся... дальше.

— Со временем?

— Не только.

— Из-за гостиницы?

Рука остановилась.

— Может быть.

— Или из-за проклятия?

Стекло в одном из настенных светильников тихо звякнуло. Мира посмотрела туда.

— Не произносите это слово постоянно.

— Почему?

— Я уже сказала. Она слышит.

— Тогда пусть слушает, — сказала я, глядя на стены, и в ту же секунду колокольчик на стойке звякнул сам. Мы обе вздрогнули — никто не входил, главная дверь оставалась закрытой.

— Совпадение, — сказала я.

Мира очень медленно посмотрела на меня.

— Конечно.

Я ненавидела, когда мою собственную логику использовали против меня.

* * *

Рейнар пришёл ближе к полудню с пачкой бумаг и выражением лица человека, которому бюрократия нанесла личное оскорбление.

— Разрешение, — сказал он. — На часть архива. Документы Морвейн имеют ограниченный доступ.

— За что?

— Часть материалов связана с расследованием запрещённых магических практик.

Вот теперь я перестала шутить.

— Агаты?

— Да. Расследование действительно было.

Мира, стоявшая в другом конце холла, уронила тряпку — не громко, просто выпустила из руки. Рейнар посмотрел на неё; она подняла тряпку и ушла.

— Видели?

— Да.

— И всё ещё считаете легенды бесполезными?

— Я говорил, что они требуют проверки, — сказал он, доставая один документ. — Проверка началась.

Почерк был современнее дневника Агаты, но всё равно непривычный; официальный язык узнавался в любом мире — много слов для того, чтобы сказать очень мало.

— Что именно расследовали?

— Сначала жалобы жителей. Люди утверждали, что видели в гостинице тех, кто официально уже умер.

— Где умер?

— Иногда здесь.

— И после смерти ходил по коридорам?

— По словам свидетелей.

— Призраки.

— Возможно. Но город обвинял Агату, потому что явления происходили только в её гостинице.

Я вспомнила синюю свечу Миры, холодную кожу, туман за калиткой.

— Что ещё?

— Несколько заявлений о том, что тела умерших оставались в доме дольше обычного, — сказал он, перевернув страницу.

— Зачем?

— Здесь не объясняется. Некоторые свидетели трактовали это как ритуалы. Официально доказательств недостаточно.

Я выдохнула — пока. Он продолжил:

— Есть упоминания синего света в окнах после смерти постояльцев.

Я резко подняла глаза.

— Свечи.

— Вероятно.

— Значит, люди видели систему свечей и решили, что Агата сама их зажигает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.